ТУВЕ ЯНССОН

Tove Jansson

ЗИМА МУМИ-ТРОЛЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Зима Муми-тролля
Туве Марика Янссон

Аннотация
Туве Янссон. Зима Муми-тролля
Глава первая. Гостиная под снегом
Глава вторая. Туу-тиккина купальня
Глава третья. Великая стужа
Глава четвёртая. Таинственные незнакомцы
Глава пятая. Одинокие гости
Глава шестая. Первая весна

Аннотация

Зимой мир становится другим — белым, неподвижным, холодным. Кругом сугробы и лёд, а там, где росли яблоки, теперь растёт снег. Только всего этого Муми-троллю знать не полагается. Потому что с ноября по апрель все порядочные муми-тролли спят и видят сны. Но так уж вышло, что этой зимой Муми-тролль проснулся и не смог обратно заснуть. Поначалу зимний мир показался ему чужим и даже каким-то неправильным. Но Муми-тролль увидел снег, познакомился с Туу-тикки, которая поселилась в папиной купальне, повстречал Ледяную Даму, покатался с горки и даже побывал в самом сердце снежной бури. И вот удивительно: зимний мир оказался ничуть не хуже летнего. Муми-тролль стал первым муми-троллем, который прожил по-настоящему целый год. Хотя бы ради этого стоило проснуться посреди зимы!

Книга, которую вы держите в руках, — настоящее событие. Впервые за долгие годы весь цикл о муми-троллях заново переведён

на русский язык! Тем, кто уже знаком с обитателями Муми-долины, будет любопытно по-новому взглянуть на их приключения. А тем, кому первая встреча со сказочным миром Туве Янссон только предстоит, можно лишь по-хорошему позавидовать!

Туве Янссон
Зима Муми-тролля

Tove Jansson
TROLLVINTER

Copyright © Tove Jansson 1957 Moomin Characters ™
All rights reserved

Серийное оформление *Татьяны Павловой*
Иллюстрации в тексте и на обложке *Туве Янссон*
Перевод со шведского *Евгении Тиновицкой* под общей редакцией *Натальи Калошиной* и *Евгении Канищевой*
Стихи в переводе *Марины Бородицкой* и *Евгении Тиновицкой*

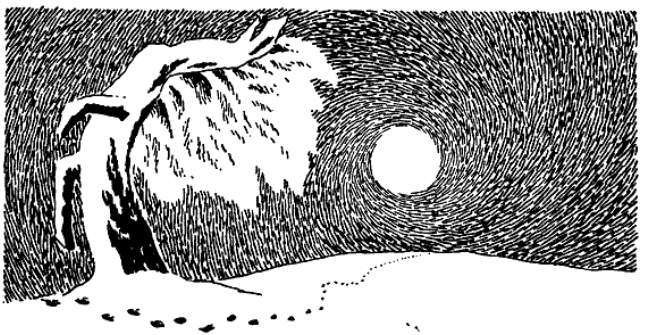
© Е. Тиновицкая, перевод, 2018
© М. Бородицкая, стихотворный перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Одинокие горы
Грот
СЗ
СВ
З
В
ЮЗ
Ю
ЮВ
Зимняя
Муми-долина

Маме

Глава первая
Гостиная под снегом



Небо было почти чёрное, но снег ярко голубел в лунном свете.

Море спало подо льдом, букашки и козявки глубоко под корнями деревьев видели сны о весне. Но до весны было ещё далеко: зима едва перевалила за новогодние праздники.

В том месте, где долина слегка выгибалась перед подъёмом в гору, стоял одинокий заснеженный домик, похожий на странной формы

сугроб. Рядом с ним чернела, петляя в обледенелых берегах, речка; течение всю зиму не давало ей замёрзнуть. Но на мосту не видно было следов, и нанесённые ветром снегá вокруг дома лежали нетронутыми.

И всё же внутри было тепло. В подвальной печи потихоньку горел торф. Луна заглядывала в окна, освещала мебель в белых зимних чехлах и хрустальную люстру, укрытую тюлем. В гостиной, где стояла большая изразцовая печка, спало всё муми-семейство.

С ноября по апрель муми-тролли спали: так поступали их предки, а муми-тролли чтят традиции. Как и предки, перед сном они набивают животы еловыми иголками и, думая уже о весне, стаскивают к кроватям всё, что может понадобиться сразу после пробуждения: лопаты, увеличительные стёкла, кусочки фотоплёнки, анемометры и тому подобные полезные вещи.

Стояла тишина, исполненная спокойного ожидания.

Время от времени кто-нибудь вздыхал и поудобнее устраивался в нагретой ямке в матрасе.

Лунный свет скользнул с кресла-качалки на столик, переполз через медные шишечки в изголовье кровати и попал прямо в глаз Муми-

троллю.

И тут случилось невиданное и неслыханное с тех самых пор, как первый из муми-троллей погрузился в зимнюю спячку. Муми-тролль проснулся и заснуть не смог.

Он посмотрел на луну и сверкающие кристаллики льда по ту сторону оконного стекла. Услышал, как потрескивает в подвале печь, и поднял голову. Любопытство охватывало его всё сильнее. Наконец он встал и пошлёпал к мамину кровати.

Муми-тролль осторожно потянул маму за ухо, но она не проснулась, а только плотнее свернулась калачиком.

«Если уж мама не просыпается, то остальных и вовсе бесполезно будить», — решил Муми-тролль и отправился дальше обследовать дом, сделавшийся чужим и таинственным. Часы давным-давно остановились, всё было покрыто слоем пыли. На столике в гостиной стояла плошка с остатками еловых иголок. Укутанная тюлем люстра тихонько позвякивала.

Муми-троллю вдруг стало страшно, и он замер. Стоя в тёплой темноте, куда не доставал лунный свет, он чувствовал себя одиноким и всеми покинутым.

— Мама! — Муми-тролль подёргал Муми-маму за одеяло. — Проснись! Весь мир куда-то подевался!

Но мама не проснулась. В её сны о весне вкралось немного тревоги и беспокойства, но одолеть сон она не смогла. Муми-тролль прилёг на коврике возле её кровати. А долгая зимняя ночь продолжалась.

Утром снег на крыше пришёл в движение. Он пополз вниз, повисел на краю крыши и мягко ухнул наземь.

Теперь все окна завалило снегом, только слабый серый отсвет пробивался сквозь стёкла в дом. Гостиная стала ещё таинственнее, как будто оказалась вдруг глубоко-глубоко под землёй.

Муми-тролль прислушивался, навострив уши, потом зажёг фонарь и подошёл к комоду — чтобы прочитать весеннее письмо Снусмумрика. Оно оказалось на своём всегдашнем месте, под трамвайчиком из морской пенки, и ничем не отличалось от предыдущих писем, которые Снусмумрик всегда оставлял ему в октябре, отправляясь на юг.

Вверху страницы шло крупным круглым почерком: «Привет». Само письмо было коротким:

«Приятных снов, не грусти. В первый тёплый день весны я снова к вам вернусь. Жди меня, будем с тобой строить плотину.

Снусмумрик».

Муми-тролль перечитал письмо много раз и тут почувствовал, что проголодался.

Кухня, пустая и аккуратная, тоже оказалась как будто на глубине нескольких миль под землёй. Пуст был и чулан: нашлась только початая бутылка брусничного сока и полпачки сухариков.

Муми-тролль устроился под столом и принялся есть, то и дело перечитывая письмо.

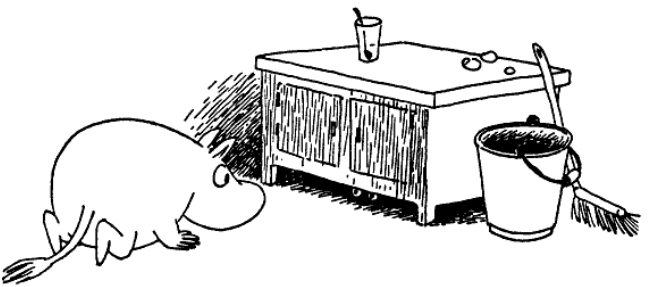
Потом он лёг на спину и стал разглядывать снизу доски столешницы. Было ужасно тихо.

— Привет, — прошептал Муми-тролль. — Приятных снов, не грусти. В первый тёплый день весны… — проговорил он чуть громче, а потом запел во всё горло: — Я снова окажусь у вас! Снова окажусь у вас, и будет весна и тепло, я буду здесь, и мы пойдём туда, и ещё сюда, и пробежим по всем дорож…

Он оборвал песню на полуслове, заметив, что из-под кухонной тумбочки на него смотрят два глаза.

Муми-тролль в ответ уставился на них. В кухне опять стало очень тихо. Так же тихо, как раньше. Потом глаза пропали.

— Стой! — вскричал Муми-тролль. Он подполз к тумбочке и тихонько позвал: — Выходи, не бойся. Я тебе ничего не сделаю. Выходи же…



Но кто бы ни жил под тумбочкой, он больше не показался. Муми-тролль разложил на полу остатки сухариков и налил в блюдце немножко брусничного сока.

В гостиной хрусталики на люстре печально

позвякивали.

— Я ухожу, — сурово сказал Муми-тролль хрусталикам. — Надоели вы мне все. Пойду на юг, навстречу Снусмумрику.

Он толкнул входную дверь, но она примёрзла.

Бедный Муми-тролль, повизгивая, перебегал от одного окна к другому, но они тоже все замёрзли. Тогда он взбежал наверх, толкнул чердачное окошко и выбрался на крышу.

Морозный воздух принял его в свои крепкие объятия.

У Муми-тролля перехватило дыхание, он поскользнулся и покатился с крыши. И беспомощно рухнул в новый опасный мир, и утонул в первом в своей жизни сугробе. Снег неприятно покалывал бархатную шкурку, а в нос ударил новый запах. Он был острее, чем все прежние, и даже немножко пугал. Но этот запах стряхнул остатки сна и разбудил любопытство.

Густой серый сумрак покрывал всю долину. Сама долина из зелёной стала белой. Всё, что раньше двигалось, сделалось неподвижным. Все живые голоса исчезли. Все углы скруглились.

— Снег, — прошептал Муми-тролль. — Я помню, мама говорила. Ей рассказывали, что такое бывает. Это называется снег.

Бархатная шёрстка Муми-тролля пустилась в рост, хотя он об этом не подозревал. Она решила постепенно сделаться зимней шубкой. Ей предстояла долгая работа, но решение было принято. А это всегда хорошо.

А сам Муми-тролль, с трудом пробираясь сквозь сугробы, дошёл до реки. До той самой реки, которая летом была прозрачной и, сверкая, пробегала через сад. Теперь она стала совсем другой. Чёрная и равнодушная, она тоже была частью нового, чужого мира.

Муми-тролль на всякий случай осмотрел мост. Осмотрел почтовый ящик. Они остались прежними. Он приподнял крышку почтового ящика: внутри нашёлся только сухой осенний лист без единой буквы.

Запах зимы, к которому Муми-тролль начал привыкать, уже не казался таким острым.

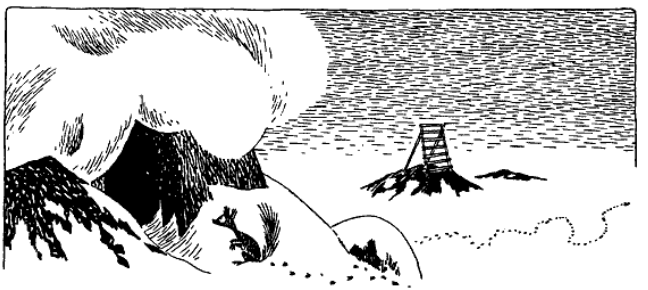
Муми-тролль посмотрел на куст жасмина, на торчащие как попало голые ветки и подумал с ужасом: «Он умер. Весь мир умер, пока я спал. Этот мир — не мой, и я не знаю, чей он. Может, Моррин. Муми-тролли в таком не живут».

На миг он задумался, но потом решил, что си-

деть одному в спящем доме ещё хуже.

Он ступил на нетронутый снег на мосту и зашагал вверх по склону. Это были маленькие, но решительные шаги, и они вели мимо деревьев прямо на юг.

Глава вторая
Туу-тиккина купальня



Ближе к морю, чуть западнее, прыгала туда-сюда по снегу белочка. Это была довольно глупенькая белочка. В мыслях она называла себя Белочкой-с-красивым-хвостиком. Но мыслей у неё было немного, и они не задерживались в голове. Белочка больше полагалась на ощущения и запахи. Как раз сейчас она ощутила, что матрасик у неё в дупле стал жестковат, и отправилась на поиски нового.

Время от времени она бормотала себе под нос:

«Матрасик...» — чтобы не забыть, за чем идёт. А то всё так легко забывается.

Белочка скакала, перекрещивая следы, то в просветы между деревьями, то на лёд, совала нос в снег и задумывалась, смотрела на небо, качала головой и прыгала дальше.

В конце концов она допрыгала до грота и заглянула туда. Но за такую долгую дорогу она растеряла все мысли и совершенно забыла про матрасик. Поэтому она уселась на хвост и стала думать, что её можно называть ещё Белочкой-с-красивыми-усиками.

В гроте, за сугробом, закрывающим вход, пол был завален соломой. На соломе стояла картонная коробка с крышкой. В крышке была проделана дырочка для воздуха.

— Странно, — удивилась белочка. — Этой коробки тут раньше не было. Что-то не так. Может, это вообще не тот грот? Или я — не та белочка? Нет, вряд ли.

Она отгрызла от крышки уголок и сунула голову внутрь.

Там, в тепле, она наткнулась носом на что-то мягкое и приятное и сразу вспомнила про матрасик. Острыми зубками она прогрызла в мягком дырку и вытянула наружу клок шерсти.

Клочок за клочком она выдернула из этого мягкого целую охапку шерсти и радостно зарылась в неё всеми четырьмя лапами. Ей было очень весело.

Вдруг кто-то чуть не цапнул её за лапку — и цапнул бы, если бы белочка не вылетела молнией из коробки. Она на секунду растерялась, но потом решила, что ей не очень страшно, а скорее любопытно.

Спустя мгновение из дырки показалась лохматая голова.

— У тебя ум есть или как? — сердито спросила малышка Мю.

— Не знаю. Вряд ли, — честно сказала белочка.

— Ты меня разбудила! — выговаривала Мю. — И прогрызла мой спальный мешок. Ты вообще что творишь?

Но белочка от изумления снова забыла про

матрасик.

Мю фыркнула и окончательно выбралась из коробки. Прикрыла крышкой оставшуюся внутри сестру и пошла пощупать снег.

— Вот он, значит, какой, — проговорила она. — Придумают же.

Она тут же слепила снежок и метко швырнула его в белочку. А потом вылезла из грота и отправилась исследовать зиму. И первым делом поскользнулась и с размаху шлёпнулась на обледенелую скалу.

— Ах вот, значит, как! — с угрозой проговорила Мю. — Поня-а-атно!

Но тут она представила, как выглядит со стороны — мюмла вверх тормашками, — и долго смеялась. Потом оглядела скалу и задумалась. Проговорила: «Ага-а» — и проехала на попе весь склон, подпрыгивая на ухабах, до самого низа, туда, где блестел лёд.

Малышка Мю повторила трюк ещё шесть раз,

пока не заметила, что замёрзла.

Тогда она вернулась в грот и вытряхнула из картонной коробки спящую сестру. Мю никогда не видела санок, но решила, что коробка — то, что ей нужно.

Белочка между тем сидела в лесу и растерянно переводила взгляд с одного дерева на другое.

Она никак не могла вспомнить, где живёт, что ищет и как вообще тут оказалась.

Муми-тролль не успел уйти далеко на юг — тьма под деревьями начала сгущаться.

Лапы всё глубже утопали в снегу, и снег уже поднадоел.

Лес был неподвижен и тих. Время от времени слетал с ветки на землю снежный ком. Ветка на миг качнётся, и снова всё становится безжизненным.

«Весь мир впал в спячку, — думал Муми-тролль. — Один я не смог заснуть. Так и буду тут бродить целыми днями и неделями, пока сам не превращусь в сугроб, и никто меня никогда не узна́ет».

И тут лес расступился, и внизу открылась новая долина, и на другой стороне Муми-тролль увидел Одинокие горы. Они волнами стремились к югу, ещё более одинокие, чем раньше.

Теперь Муми-троллю стало по-настоящему холодно. Вечерний сумрак ползком поднимался со дна долины и медленно взбирался по обледенелому горному хребту. Снег на чёрных скалах был похож на острые белые клыки. Кругом белизна, чернота, пустота — сколько хватает глаз.

— Там, за горами, — Снусмумрик, — сказал Муми-тролль. — Сидит себе и ест апельсины. Если б я знал, что он знает, что я иду к нему через все эти вершины, я бы полез. А когда ты совсем один, ничего не выйдет.

Муми-тролль повернулся и пошёл по собственным следам обратно.

«Переведу все часы, — думал он. — Может, тогда весна наступит быстрее. А может, я что-нибудь случайно разобью, и тогда кто-нибудь проснётся».

Но он знал, что никто не проснётся.

И вдруг он заметил кое-что. С цепочкой его следов пересеклась цепочка следов помельче. Муми-тролль долго стоял и смотрел на них. Кто-то живой проходил через лес не больше получаса назад. Вряд ли он успел далеко уйти. Этот кто-то шёл в долину и был меньше, чем сам Муми-тролль. Следы почти не проваливались в снег.

Муми-тролля бросило в жар от ушей до кончи-

ка хвоста.

— Подожди! — закричал он. — Не бросай меня!

Он побрёл по снегу, спотыкаясь и издавая жалобные звуки, и тут его охватил страх темноты и одиночества.

Этот страх, видно, прятался где-то с того момента, как Муми-тролль проснулся в спящем доме, но только теперь Муми-тролль достаточно осмелел, чтобы испугаться по-настоящему.

Он больше не кричал — боялся остаться без ответа. Он не смел поднять морду от следов, которые едва виднелись в темноте. Он брёл, полз и жалобно подвывал.

И внезапно увидел свет.

Это был маленький огонёк, но он наполнил весь лес ласковым оранжевым сиянием.

Муми-тролль успокоился. Он забыл про следы и медленно пошёл вперёд. И шёл, пока не увидел, что в снегу горит обыкновенная стеариновая свечка. Вокруг неё высился слепленный из снежков островерхий домик. Снежки были прозрачные и светились оранжевым, как абажур ночника у него дома.

За фонарём кто-то выкопал ямку в сугробе и лежал в ней, глядя в суровое зимнее небо, и насвистывал — тихо, себе под нос, но насвистывал же!

— Что это за песня? — спросил Муми-тролль.

— Это песня про меня, — донеслось из сугроба. — Песня про Туу-тикки, которая слепила из снега фонарь. Но припев будет совсем про другое.

— Понятно, — сказал Муми-тролль и сел в снег.

— Ничего тебе не понятно, — заметила Туу-тикки дружелюбно и приподнялась, так что стала видна её полосатая красно-белая курточка. — В

припеве поётся о том, что понять невозможно. Я как раз думала про северное сияние. Неизвестно, правда оно есть или только кажется. Ничего-то мы толком не знаем, и от этого мне спокойнее.

Она снова опустилась в свою ямку и стала смотреть в небо, уже совсем чёрное.

Муми-тролль приподнял нос и увидел северное сияние, которого не видел до него ни один муми-тролль. Оно было синее, белое и немножко зелёное и колыхалось длинными складками, занавешивая небо.

— Оно правда есть, я его вижу, — сказал Муми-тролль.

Туу-тикки не ответила. Она подтянулась к фонарю и достала из него свою свечку.

— Заберём домой, — сказала она. — А то всё равно придёт Морра и усядется на неё.

Муми-тролль покивал. Морру он видел один-единственный раз, августовской ночью, давным-давно. Она забилась под куст сирени, ледяная, серая, и просто смотрела на них. Но как смотрела! А когда ушла, оказалось, что там, где она сидела, замёрзла земля.

Муми-тролль задумался: не оттого ли и случилась зима, что десять тысяч морр вдруг взяли и разом уселись на землю? Но он решил поговорить

об этом потом, когда познакомится с Туу-тикки поближе.

Пока они взбирались на холм, в долине посветлело, и Муми-тролль увидел — вышла луна.

Муми-дом спал в одиночестве за мостом. Но Туу-тикки свернула через пустой сад к западу.

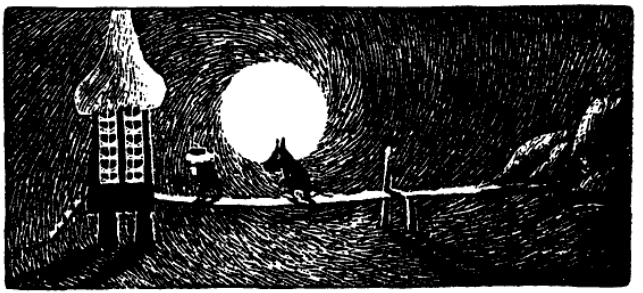
— Здесь росли яблоки, — сказал Муми-тролль, чтобы поддержать разговор.

— А теперь здесь растёт снег, — рассеянно заметила Туу-тикки, продолжая путь.

Они вышли на морской берег, где была одна сплошная темень, и осторожно ступили на мостки, ведущие к купальне.

— А здесь я всегда нырял, — шепнул Муми-тролль, глядя на жёлтый изломанный тростник, торчащий из-подо льда. — Однажды я прогрёб под водой целых девять раз. Тогда было тепло…

Туу-тикки открыла дверь купальни. Она зашла внутрь и поставила свечу на круглый столик, который Муми-папа выловил из моря давным-давно.



В восьмиугольной купальне всё было как раньше: пожелтевшие доски с «глазка́ми» сучков, красные и зелёные стёкла в маленьких окнах, узкие лавки, шкаф для купальных халатов и резиновый хемуль, которого никогда не удавалось надуть до конца.

Всё было точь-в-точь как летом. И всё же что-то изменилось. Непонятно.

Туу-тикки сняла шапочку, и та тут же вскарабкалась по стене и сама повесилась на гвоздь.

— Вот бы и мне такую, — сказал Муми-тролль.

— Тебе вообще не нужна шапка, — ответила Туу-тикки. — Шевели ушами, тогда не замёрзнешь. А вот лапы — другое дело.

Два шерстяных носка прошествовали по полу и предстали перед Муми-троллем.

Тут же вспыхнул огонь в трёхногой железной печке, и под столом кто-то тихонько заиграл на флейте.

— Она стесняется, — объяснила Туу-тикки. — Поэтому играет из-под стола.

— А почему её не видно?

— Они такие застенчивые, что стали невидимыми, — сказала Туу-тикки. — Землеройки-бурозубки, их тут восемь. Делят со мной кров.

— Это папина купальня, — заметил Муми-тролль.

Туу-тикки серьёзно посмотрела на него:

— Отчасти ты прав, а отчасти нет. Летом она папина, а зимой — Туу-тиккина.

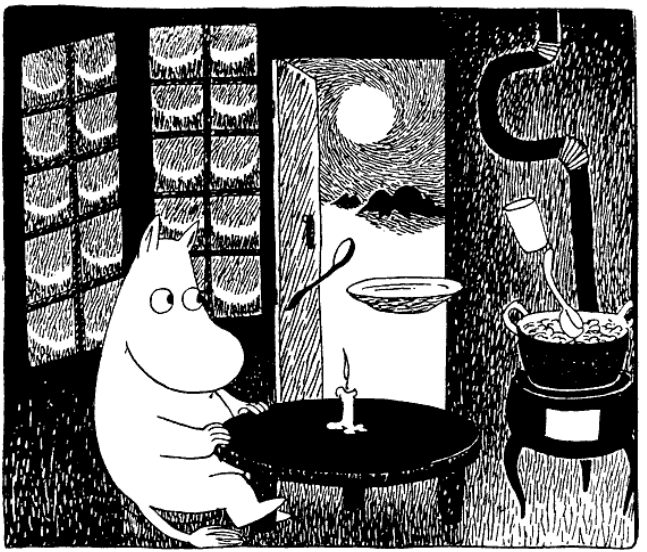
В горшке на железной печке закипело. Крышка приподнялась, ложка помешала суп. Вторая ложка добавила в него соли и плавно вернулась на подоконник.

К вечеру мороз усилился, в красно-зелёных окошках ярче заблестела луна.

— Расскажи мне про снег, — попросил Му-

ми-тролль, присев на папин облезлый садовый стул. — Я что-то ничего про него не пойму.

— Я тоже, — сказала Туу-тикки. — Кажется, что он холодный, но если построить из него дом, внутри будет тепло. Кажется, что он белый, но может быть и красноватым, и синим. Он бывает и мягкий-премягкий, и твёрдый как камень. Ничего нельзя сказать наверняка.



Тарелка рыбного супа осторожно проплыла по воздуху и опустилась на стол перед Муми-троллем.

— Как твои бурозубки научились летать? —

спросил Муми-тролль.

— Слушай, — сказала Туу-тикки. — Не стоит задавать столько вопросов. Некоторые любят хранить свои тайны при себе. Думай поменьше про бурозубок, и про снег тоже.

Муми-тролль принялся за суп.

Он ел и задумчиво смотрел на угловой шкафчик. Как приятно знать, что там висит его собственный старый халат, что посреди всего этого нового и тревожного есть что-то надёжное и домашнее! Он помнил, что халат синий, с оторванной петелькой и в кармане должны лежать очки от солнца.

Наконец он проговорил:

— Вон там мы держим халаты. Мамин — в самой глубине.

Туу-тикки протянула лапу и схватила плывущий по воздуху бутерброд.

— Спасибо, — сказала она бурозубкам и обратилась к Муми-троллю: — Этот шкаф ни в коем случае нельзя открывать. Пообещай, что не будешь.

— Не буду я ничего обещать, — мрачно проговорил Муми-тролль, глядя в тарелку.

Он вдруг почувствовал, что больше всего на свете ему хочется открыть дверцу и убедиться,

что халат там, в шкафу. Огонь пылал так, что в печной трубе загудело. В купальне было тепло, из-под стола по-прежнему одиноко пела флейта.

Невидимые лапы унесли тарелки. Свеча догорела, превратилась в стеариновую лужицу, в которой плавал фитиль, и теперь свет исходил только от красного глаза печки и от бликов красно-зелёных окошек на полу.

— Я пойду спать домой, — сердито сказал Муми-тролль.

— Хорошо, — сказала Туу-тикки. — Луна ещё не зашла, так что дорогу найдёшь.

Дверь сама собой открылась, и Муми-тролль шагнул в снега.

— И всё-таки, — сказал он на прощание, — чтоб вы знали, в шкафу висит мой синий купальный халат. Спасибо за суп.

Дверь закрылась, и вокруг снова остались только лунный свет и тишина. Муми-тролль покосился на лёд, и ему показалось, что он видит, как по берегу ползёт огромная неуклюжая Морра.

Морра поджидала за валунами на берегу. И когда Муми-тролль шёл через лес, тень Морры упрямо кралась за деревьями. Морры, которая садится на свечки, от которой блёкнут все цвета.

Наконец Муми-тролль добрался до своего спящего дома. Он медленно вскарабкался на большой сугроб с северной стороны и влез в чердачное окошко — оно так и стояло приоткрытым.

В доме было тепло, пахло муми-троллями, и когда Муми-тролль сделал шаг, люстра знакомо зазвенела. Он стянул свой матрас на пол и подтащил к маминой кровати. Мама тихонько вздохнула во сне и что-то пробормотала. Потом она засмеялась про себя и придвинулась поближе к стене.

«Я больше не принадлежу этому миру, — подумал Муми-тролль. — И тому тоже. Я не знаю, где сон и где явь».

И он моментально заснул, и летняя сирень распахнула над ним свою дружескую зелёную тень.

Недовольная малышка Мю лежала в проеденном спальнике. К вечеру поднялся холодный ветер, он задувал прямо в грот. Мокрая коробка прорвалась в трёх местах, утеплитель из спальника летал туда-сюда.

— Эй, старушка! — крикнула малышка Мю и ткнула Мюмлу в спину. Но та крепко спала и даже не шевельнулась.

— Я сейчас разозлюсь, — предупредила малышка Мю. — В кои-то веки понадобилась сестра — и

здрасьте вам!

Она пинками расшвыряла остатки спальника, подползла к входу в грот и теперь с восторгом вглядывалась в холодную тьму.

— Вот я вам покажу… — пробормотала малышка Мю сурово и поехала по склону вниз.

Снаружи было пустыннее, чем на краю света,

если бы кому-нибудь удалось туда добраться. Снег с тихим шёпотом подметал лёд большими серыми метёлками. Берег терялся во тьме — луна уже зашла.

— Уж поехала так поехала, — сказала малышка Мю, победно развевая юбкой на злом северном ветру. Она неслась, огибая сугробы, и крепко стояла на ногах, как это свойственно мюмлам.

К тому времени как малышка Мю проехала по льду мимо купальни, свеча на столике давно догорела. Мю увидела только острую крышу на фоне тёмного неба. Но она даже не успела подумать: «Это наша старая купальня». Она принюхалась к острому, опасному запаху зимы, остановилась и прислушалась. В Одиноких горах, далеко-далеко, выли волки.

— Да, дело серьёзно… — проговорила малышка Мю и ухмыльнулась во тьме. Нюх подсказывал ей, что где-то тут проходит дорога в Муми-долину, к Муми-дому, в котором наверняка найдутся тёплые одеяла, а может, даже новый спальник. Она, не задумываясь, вернулась к берегу и нырнула в просвет между деревьями.

Она была такая маленькая, что почти не оставляла следов.

Глава третья
Великая стужа

Часы снова шли. Чтобы было не так одиноко, Муми-тролль завёл их все. Поскольку неизвестно было, который час, он завёл их на разное время — может, хоть с одними да угадает.

Иногда часы начинали бить, порой звонил будильник, и от этого немного легчало. Но Муми-тролль никак не мог смириться с ужасным открытием: оказалось, что солнце больше не встаёт. Каждое утро светало до серых сумерек, а через какое-то время всё погружалось в длинную

зимнюю ночь — но солнце не показывалось. Оно просто исчезло, может, укатилось в космос. Поначалу Муми-тролль не хотел этому верить. Он ждал.

Каждый день он приходил на берег и садился мордой к востоку. Но ничего не происходило. Тогда он возвращался домой, закрывал за собой чердачное окошко и зажигал на краю изразцовой печки несколько свечей. Тот, кто жил под тумбочкой на кухне, так ни разу и не вышел поесть, но, похоже, продолжал жить своей загадочной и замечательной жизнью. Морра бродила по льду, исполненная собственных мыслей — о чём только она размышляла? В купальном шкафчике за халатами притаился неизвестно кто…

И ничего с ними не поделаешь. Все они зачем-то да существуют, и тебе остаётся только смириться.

Муми-тролль нашёл на чердаке большую коробку вырезных картинок и, не в силах оторваться, с тоской вглядывался в их летнюю красоту. На них были цветы, рассветы, вагончики с весёлыми разноцветными колёсами — блестящие и безмятежные картинки, напоминающие о безвозвратно утраченном мире.

Сначала Муми-тролль разложил их на полу в

гостиной. Потом решил наклеить на стены. Он делал это медленно и аккуратно, чтобы занятия хватило надолго, и самые красивые приклеил над маминой кроватью.

Муми-тролль уже дошёл со своими картинками до зеркала, когда вдруг заметил, что большой серебряный поднос исчез. Он всегда висел справа от зеркала на вышитой красным крестиком ленте, а теперь осталась только ленточка и тёмный овал на обоях.

Муми-тролль страшно расстроился — он знал, что это мамин любимый поднос. Это была фамильная драгоценность, которой никогда не пользовались, единственная вещь, которую начищали перед Рождеством.

Муми-тролль в тревоге забе́гал по дому, разыскивая поднос. Тот так и не нашёлся, зато оказалось, что пропало ещё много вещей: подушки, одеяла, сахар, мука, кастрюли. И даже вышитая грелка на чайник со всеми своими розочками.

Муми-тролль очень переживал — он чувствовал ответственность перед спящим семейством за эти пропажи. Сначала он заподозрил существо из-под кухонной тумбочки. Потом подумал на Морру, потом на того, кто живёт в купальном шкафу. На самом деле похитителем мог оказаться

кто угодно — зима кишмя кишела странными существами, от которых всего можно было ожидать.

«Надо спросить у Туу-тикки, — решил Муми-тролль. — Вообще-то я собирался наказать солнце и не выходить, пока оно не вернётся. Но теперь не до этого».

Когда Муми-тролль вышел в серый сумрак, у крыльца обнаружилась незнакомая белая лошадь. Лошадь смотрела на Муми-тролля блестящим глазом. Он осторожно поздоровался, но лошадь даже не шевельнулась.

Тогда Муми-тролль заметил, что она из снега. Вместо хвоста был веник из дровяного сарая, вместо глаз — маленькие зеркальца. Муми-тролль

увидел своё отражение в лошадином глазу, отшатнулся и торопливо отбежал к голому жасминовому кусту.

«Встретить бы хоть одного знакомого из прежней жизни, — подумал Муми-тролль. — Кого-нибудь нормального, а не таинственного. Кого-то, кто тоже проснулся и ничего не понимает. Чтобы можно было сказать ему: „Вот это холодина, а? А снег — ну и странный же он! А видел, во что превратился жасмин? А помнишь, прошлой весной…“ Или ещё что-нибудь в этом роде».

Туу-тикки сидела на перилах моста и распевала:

Я, Туу-тикки, вылепила лошадь,
Быструю, дикую белую лошадь,
Ту, что по льду унесётся галопом —
Гулким галопом в ночной тишине,
Белую стужу помчит на спине[1].

Затем последовал какой-то невообразимый припев.

— Ты это к чему? — мрачно поинтересовался Муми-тролль.

— К тому, что вечером мы её обольём водой из

---

[1] Примечания: 1
Перевод Марины Бородицкой.

реки, — ответила Туу-тикки. — Ночью она застынет, а когда наступит великая стужа, ускачет и никогда больше не вернётся.

Муми-тролль помолчал. Потом сказал:

— У нас из дома кто-то таскает вещи.

— Это же хорошо, — откликнулась довольная Туу-тикки. — А то у тебя слишком много вещей. И ты слишком много о них думаешь и слишком часто их вспоминаешь.

И она запела второй куплет.

Муми-тролль развернулся и пошёл прочь. «Она меня не понимает», — подумал он. Торжественная песня позади продолжилась как ни в чём не бывало.

— Давай-давай, пой, — сердито бормотал Мумитролль, чуть не плача. — Пой про свою противную зиму, которая вся из чёрного льда, про невоспитанных лошадей и про этих странных, которые только прячутся и никогда не показываются!

Он побрёл вверх по склону, пиная снег, с застывающими на морде слезами, и вдруг запел свою собственную песню.

Он вопил и горланил назло Туу-тикки — пусть слышит!

Вот такая у него получилась сердитая летняя песня:

Ужасные животные, не знающие дня,

Которые упрятали всё солнце от меня,

Я так устал шататься в снегу совсем один,

Тоскую я напрасно по зелени долин.

Я помню дом без снега и синий блеск волны

И жить я не желаю среди вашей белизны![2]

— Пусть только солнце выглянет и поглядит на вас, тогда поймёте сами, что все вы дураки! —

---

[2] Примечания: 2
Перевод Евгении Тиновицкой.

кричал Муми-тролль, не заботясь уже о рифме и ритме. — Я здесь лежал на солнышке и грел песком живот, и окна можно было открывать хоть целый день, в саду жужжали пчёлы, а сверху в синеве сияло моё собственное солнце оранжевого цвета!

Когда ответная песнь Муми-тролля закончилась, наступила ужасающая тишина.

Муми-тролль стоял в тишине и прислушивался, но никто ему не отвечал. Ну должно же что-то произойти, подумал он, весь дрожа. И что-то произошло.

С вершины холма кто-то понёсся вниз, окружённый сверкающим снежным потоком, крича:

— С дороги! Берегись!

Муми-тролль стоял неподвижно и лишь смотрел.

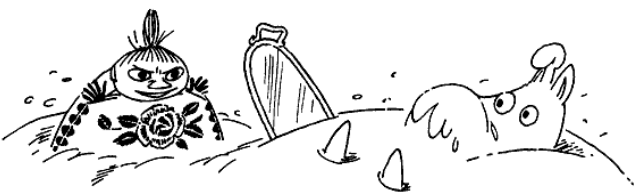
Прямо на него летел серебряный поднос, а на подносе — пропавшая грелка на чайник. «Туу-тикки облила их водой, — подумал он в ужасе, — они ожили и поскакали прочь и никогда больше не вернутся…»

Столкновение было неизбежно. Муми-тролль отлетел в глубокий снег и услышал, как смеётся Туу-тикки.

А вместе с ней смеялся кто-то ещё, и этот смех

мог принадлежать только одному существу в целом свете.

— Малышка Мю! — с полным ртом снега закричал Муми-тролль. Радостный и взволнованный, он пополз вверх. И там на снегу действительно сидела малышка Мю. Она проре́зала в грелке дырки для головы и для рук, а вышитая розочка оказалась на животе.



— Мю! — воскликнул Муми-тролль. — Ты просто не представляешь… Тут всё совсем по-другому, и мне было так одиноко… Ты помнишь, как раньше, летом…

— Но сейчас-то зима. — Мю выдернула из снега

поднос. — Вот это был кувырок, а?

— Я проснулся и не мог заснуть, — рассказывал Муми-тролль. — И дверь не открывалась, а солнце пропало, и даже тот, кто живёт под тумбочкой…

— Да-да, — подхватила Мю жизнерадостно, — а потом ты расклеил по стенам картинки. Это в твоём духе. А что, если этот поднос смазать стеарином? Может, получится ещё сильней разогнаться?

— Неплохая идея, — отозвалась Туу-тикки.

— А на льду, наверное, будет ещё быстрее, — сказала малышка Мю. — Если в Муми-доме найдётся подходящий парус.

— И ветер, похоже, усиливается, — сказала Туу-тикки.

Муми-тролль задумчиво смотрел на них.

— Можете взять мой навес от солнца, — тихонько проговорил он.

К вечеру нос Туу-тикки почуял приближение великой стужи. Она облила водой лошадь и натащила в купальню дров.

— Сегодня наружу не высовывайтесь, — сказала она.

Невидимые землеройки согласно покивали, и в шкафчике тоже согласно поскреблись. Потом Туу-

тикки пошла на улицу предупредить остальных.

— Не волнуйся, я вернусь, как только пальцы начнёт покалывать, — сказала малышка Мю. — И Мюмлу надо бы прикрыть соломой.

И она снова поставила серебряный поднос на лёд.

По дороге в долину Туу-тикки встретила Белочку-с-красивым-хвостиком.

— Сегодня вечером сиди дома, потому что придёт большая стужа, — сказала Туу-тикки.

— Ясно, — ответила белочка. — А ты не видела мою шишку? Я её оставила где-то здесь.

— Нет, — сказала Туу-тикки. — Смотри не забудь, обещаешь? Как начнёт смеркаться, сразу прячься в дупло. Это очень важно.

Белочка рассеянно покивала.

Туу-тикки поднялась по верёвочной лестнице,

открыла чердачное окошко и покричала Муми-тролля.

Он в поте лица штопал всему семейству плавки красной хлопчатобумажной ниткой.

— Я только хотела сказать, что сегодня придёт большая стужа, — сказала Туу-тикки.

— Что, ещё больше, чем сейчас? — уточнил Муми-тролль.

— Самая большая, — ответила Туу-тикки. — Великая и опасная. Ледяная Дама. Она явится в сумерках, когда небо станет зелёным. Прямо с моря.

— А она красивая, эта дама? — спросил Муми-тролль.

— Очень, — сказала Туу-тикки. — Но если посмотреть ей в лицо, замёрзнешь до смерти. Станешь как сухарик, и любой сможет разломать тебя на кусочки. Так что вечером лучше сиди дома.

И Туу-тикки полезла обратно на крышу.

Муми-тролль сходил в подвал и набил печку торфом. Укрыл всё спящее семейство ковриками.

Потом он завёл часы и вышел из дома — у него было такое чувство, что великую стужу лучше встречать не в одиночестве.

Когда Муми-тролль добрался до купальни, небо

стало бледнее и уже слегка зазеленело. Ветер улёгся, и мёртвый тростник на краю ледяной глади стоял неподвижно.

Муми-тролль прислушался, и ему послышалось, что сама тишина поёт тоненьким голосом. Наверное, это пел лёд, всё глубже проникая в море.

В купальне было тепло, на столе стоял синий чайник Муми-мамы.

Муми-тролль устроился на садовом стуле и спросил:

— Когда она придёт?

— Скоро, — ответила Туу-тикки. — Но не стоит так беспокоиться.

— Я беспокоюсь не из-за Ледяной Дамы, — отрезал Муми-тролль. — Я беспокоюсь из-за других. Из-за того, кто живёт под тумбочкой на кухне. Из-за этого, в моём шкафчике. И из-за Морры, которая только смотрит и ничего не говорит.

Туу-тикки потёрла нос и задумалась.

— Знаешь, есть много таких, которым не подходят ни весна, ни лето, ни осень, — сказала она наконец. — Странненькие, пугливые. Разные ночные существа и прочие, с которыми никто не считается и в которых никто не верит. Они прячутся целый год. А когда всё становится тихим

и белым, и ночи — длинными, и все впадают в спячку — вот тогда они и выходят.

— А ты с ними знакома? — спросил Муми-тролль.

— С некоторыми, — кивнула Туу-тикки. — Например, того, под тумбочкой, знаю очень хорошо. Но он, похоже, предпочитает жить тайно, так что познакомить я вас не смогу.

Муми-тролль попинал ножку стола и вздохнул.

— Конечно, конечно, — сказал он. — Но я-то не хочу жить тайно. В этом новом мире никому и в голову не придёт спросить другого, что он делал раньше. Даже малышка Мю не хочет говорить про настоящую жизнь.

— Как знать, какая из них настоящая? — спросила Туу-тикки, прилепившись носом к стеклу. — А вот и Мю.

Малышка Мю распахнула дверь и со звоном швырнула серебряный поднос на пол.

— Парус — стоящая вещь! — крикнула она. — Но теперь мне нужна муфта. Из грелки для яиц, которую я утащила у твоей мамы, ничего не получилось, хотя я её всю изрезала. В таком виде её

даже эвакуёжикам[3] стыдно отдать.

— Вижу, — заметил Муми-тролль, с печалью глядя на грелку для яиц.

Малышка Мю бросила грелку на пол, и невидимая бурозубка тут же уволокла её в печь.

— Ну, скоро она? — спросила малышка Мю.

— Думаю, скоро, — серьёзно ответила Туу-тикки. — Пойдёмте посмотрим.

Они вышли на мостки и принюхались. Вечернее небо было совершенно зелёным, и весь мир казался сделанным из тонкого стекла. Стояла оглушительная тишина, чётко прорисованные звёзды поблёскивали на небе и отражались во льду. Было очень холодно.

— Да, идёт, — сказала Туу-тикки. — Давайте-ка обратно.

Флейта под столом стихла.

Вдалеке шла по льду Ледяная Дама. Белая как стеарин, она становилась, если смотреть на неё через правое окошко, красной, а если через левое — светло-зелёной.

Стекло вдруг стало таким холодным, что аж больно, и Муми-тролль испуганно отдёрнул морду.

---

[3] Примечания: 3

Эвакуёжик — ёжик, который был вынужден спешно покинуть свой дом, не взяв даже зубную щётку. *(Примеч. автора.)*

Они собрались у печки и ждали.

— Не смотрите туда, — сказала Туу-тикки.

— Ой, кто-то лезет ко мне на ручки, — воскликнула малышка Мю, удивлённо глядя на свои пустые коленки.

— Это мои бурозубки перепугались, — сказала Туу-тикки. — Посиди спокойно, они скоро уйдут.

Ледяная Дама шла мимо купальни. Наверное, она бросила взгляд в окно, потому что по полу пробежал ледяной сквозняк, и раскрасневшаяся от жара печка побледнела. Потом всё кончилось. Невидимые бурозубки засмущались и спрыгнули с малышки Мю, и все бросились к окнам.

Ледяная Дама стояла в тростнике спиной к ним. Она наклонилась и что-то разглядывала.

— Та самая белка, — проговорила Туу-тикки. — Она всё-таки забыла спрятаться.

Ледяная Дама приблизила своё красивое лицо к белочке и рассеянно потрепала её за ухом. Белочка как зачарованная смотрела в её холодные синие глаза. Ледяная Дама улыбнулась и продолжила свой путь.

А белочка осталась лежать, задрав лапки.

— Беда, — бросила Туу-тикки и поглубже натянула шапочку. Она открыла дверь, и в купальню ворвался белый пар. Секунду спустя она вернулась, захлопнула дверь и положила белочку на стол.

Невидимые бурозубки быстро принесли горячей воды и завернули белочку в подогретое полотенце. Но её маленькие лапки всё так же торчали вверх, стылые и печальные, и ни один усик не шевельнулся.

— Совсем мёртвая, — констатировала малышка Мю.

— Во всяком случае, она успела увидеть перед смертью что-то красивое, — дрожащим голосом сказал Муми-тролль.

— Ну да, — кивнула малышка Мю. — Но теперь уж что поделаешь, она всё равно умерла и ничего не помнит. А я сделаю из её хвоста отличную муфточку!

— Не сделаешь! — возмутился Муми-тролль. — Свой хвост она заберёт с собой в могилу. Надо её похоронить, верно, Туу-тикки?

— Хм… — протянула Туу-тикки. — Не знаю, какая ей радость от хвоста, если она уже умерла.

— Пожалуйста, — попросил Муми-тролль, — не повторяй всё время это «умерла». А то слушать

неприятно.

— Кто умер, тот умер, — дружеским тоном отозвалась Туу-тикки. — Пройдёт время, и эта белка станет землёй, а из земли вырастет дерево, и по нему будут прыгать новые белки. Может, не так уж оно и печально?[4]

— Может, — Муми-тролль потёр нос. — Но всё равно завтра надо похоронить её вместе с хвостом и всем прочим. И устроить шикарные похороны, чтобы всё как положено.

Утром в купальне было холодно. Огонь в железной печке ещё горел, но невидимые землеройки явно утомились. Под крышкой кофейника, который Муми-тролль принёс из дома, обнаружилась корочка льда.

Не то чтобы Муми-тролль собирался пить кофе: при мёртвой белочке это было как-то неприлично.

— Мне придётся забрать свой купальный халат, — не без вызова сообщил он Туу-тикки. — Мама говорила, что на похоронах всегда холодно.

— Отвернись и считай до десяти, — велела Туу-тикки.

Муми-тролль повернулся к окну и стал считать.

---

[4] Примечания: 4

Читателю, который на этом месте заплакал: срочно посмотрите на страницу 144! *(Примеч. автора.)*

Когда он дошёл до восьми, Туу-тикки захлопнула шкаф и протянула ему синий халатик.

— Как ты помнишь, что это мой? — радостно удивился Муми-тролль. Он сунул лапы в карманы, но солнечных очков не нашёл.

Там было немножко песка и круглый белый камушек.

Он стиснул камушек в лапе. В его гладкости таилась вся безмятежность лета, казалось даже, что он всё ещё тёплый от солнца.

— У тебя такой вид, будто ты сам не знаешь, куда попал, — сказала малышка Мю.

Муми-тролль даже не взглянул на неё.

— Вы пойдёте на похороны или как? — спросил он с достоинством.

— Само собой, — отозвалась Туу-тикки. — Это была хорошая белка.

— Особенно хвост, — добавила малышка Мю.

Они завернули белку в старую купальную шапочку и вышли в щипучий мороз.

Снег скрипел под лапами, дыхание белым паром улетало вверх. Морда замёрзла так, что даже не наморщивалась.

— Ну и холодина, — восхитилась малышка Мю, скача по заледенелому берегу.

— Нельзя ли помедленнее? — попросил Муми-тролль. — Похороны всё-таки.

Он старался дышать коротко, чтобы не захлебнуться ледяным воздухом.

— А я и не знала, что у тебя есть брови, — с интересом заметила Мю. — А сейчас они побелели, и вид у тебя ещё глупее, чем раньше.

— Это иней, — строго сказала Туу-тикки. — И

помолчи, мы ведь с тобой обе понятия не имеем, как себя ведут на похоронах.

Муми-тролль восторжествовал. Он донёс белку до дома и положил её перед снежной лошадью.

Потом он взобрался по верёвочной лестнице на крышу и спустился в тёплую сонную гостиную.

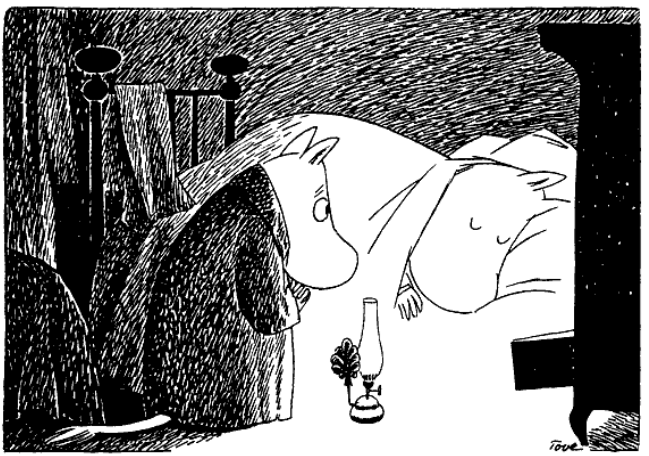
Он перерыл все ящики комода, перевернул всё вверх ногами, но так и не нашёл того, что искал.

Тогда он подошёл к маме и шепнул что-то ей на ухо. Мама вздохнула и перевернулась на другой бок. Муми-тролль шепнул ещё раз.

Мама ответила. Ответ пришёл откуда-то из глубин, оттуда, где живёт женская приверженность традициям:

— Чёрные ленточки… в моем шифоньере… на верхней полке, справа…

И мама снова погрузилась в сон.



А Муми-тролль принёс из-под лестницы стремянку и полез на верхнюю полку шифоньера.

Он нашёл коробку, в которой было всё необходимое на любой случай: чёрные ленточки в знак траура, и золотые ленточки для большого торжества, и ключи от дома, и венчики для шампанского, и клей для фарфора, и запасные

шишечки для изголовья кровати, и тому подобное.

Муми-тролль вернулся с чёрной траурной ленточкой на хвосте и прицепил маленькую чёрную бабочку Туу-тикки на шапку.

Малышка Мю от ленты отказалась наотрез:

— Если мне грустно, необязательно показывать это всякими бантиками.

— Если тебе грустно, — выразительно произнёс Муми-тролль. — Да только по тебе не скажешь.

— Ну и что? — отпарировала Мю. — Я не умею грустить. Я умею только злиться и веселиться. Какой толк этой белке от моей грусти? А вот если я разозлюсь на Ледяную Даму, тогда я, может, укушу её за лодыжку, и, может, в следующий раз она задумается, прежде чем чесать за ухом белочек только потому, что они хорошенькие и пушистые.

— В этом есть резон, — кивнула Туу-тикки. — Но и Муми-тролль по-своему прав. Ну а теперь что?

— А теперь мы выкопаем в земле яму, — сказал Муми-тролль. — Есть одно красивое место, там всегда растут ромашки.

— Дорогой друг, земля сейчас мёрзлая и твёрдая как камень, — сочувственно проговорила Туу-тикки. — В неё и сверчка не закопаешь.

Муми-тролль беспомощно посмотрел на неё, не зная, что сказать. Все молчали. И тут снежная лошадь нагнула голову и осторожно обнюхала белочку. Потом она вопросительно скосила свой зеркальный глаз на Муми-тролля и тихонько помахала хвостом-веником.

Невидимая бурозубка заиграла на флейте печальную мелодию. Муми-тролль благодарно кивнул.

Тогда снежная лошадь положила белочку вместе с хвостом и купальной шапочкой к себе на спину, и все двинулись обратно к морю.

Туу-тикки сложила о белочке песнь:

Маленькая белка,
Глупенькая белка,
Ты была живая,
Тёплая, смешная.
А теперь застыла,
Вся заледенела,
Только хвост меховой
Распушился как живой.[5]

Ощутив под копытами лёд, лошадь мотнула

---

[5] Примечания: 5
Перевод Марины Бородицкой.

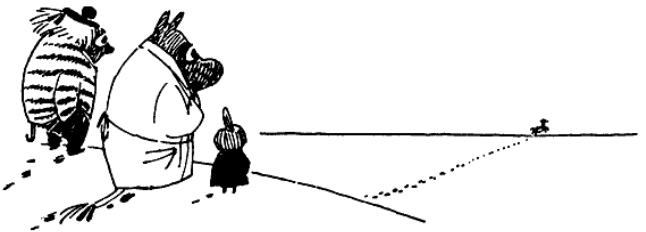
головой, и глаза её заблестели. И вдруг она весело скакнула и понеслась галопом.

Невидимая бурозубка заиграла снова, и теперь это был быстрый и весёлый мотив. Снежная лошадь уносилась всё дальше с белочкой на спине, пока наконец не превратилась в точку на горизонте.

— Думаете, всё это правильно вышло? — с беспокойством спросил Муми-тролль.

— Лучше не придумаешь, — заверила Туу-тикки.

— Нет, придумаешь, — возразила Мю. — Было бы ещё лучше, если бы мне всё-таки достался её хвост.



Глава четвёртая
Таинственные незнакомцы

Через несколько дней после белочкиных похорон Муми-тролль обнаружил, что кто-то таскает из дровяного сарая торф.

Снаружи на снегу остались широкие следы, как будто мешки тащили волоком.

«Это точно не Мю, — решил Муми-тролль, — она слишком маленькая. А Туу-тикки берёт только необходимое. Наверное, это Морра».

Он, встопорщив загривок, пошёл по следам. Раз никто другой не может позаботиться об имуще-

стве семьи, это его долг чести.

Следы заканчивались на скале за гротом.

Там же нашлись и мешки с торфом. Они были уложены друг на друга для костра, а на них громоздилась муми-тролльская садовая скамейка, у которой в августе отвалилась вторая передняя ножка.

— Эта скамейка будет здорово гореть, — сказала Туу-тикки, выходя из-за конструкции. — Она старая и сухая, как табак.

— Это уж точно, — сказал Муми-тролль. — Она нам долго служила. Её можно было бы починить.

— Или сделать новую, — сказала Туу-тикки. — Хочешь послушать песню про Туу-тикки и её большой зимний костёр?

— Конечно, — вежливо сказал Муми-тролль.

Туу-тикки принялась медленно топтаться по снегу и распевать:

Робкие, тихие,
Шумные, дикие,
Все к огню! Все к огню!
Бейте в барабан!
Всё сгорает, всё трещит
В ослепительном огне,

В черноте и белизне.
Пляшет яростное пламя
В лад с прыгучими телами,
И качаются хвосты
Посредине черноты.
Бейте в барабан![6]

— Надоела мне ваша чернота! — закричал Муми-тролль. — Нет, я не хочу слушать припев. Мне холодно! И одиноко! Я хочу обратно своё солнце!

— Вот именно для этого мы и будем сегодня жечь костёр, — сказала Туу-тикки. — Завтра вернётся твоё солнце.

— Моё солнце… — с трепетом повторил Муми-тролль.

Туу-тикки кивнула и почесала нос.

Муми-тролль надолго замолчал. Потом он осторожно проговорил:

— А думаешь, оно заметит, если убрать скамейку?

— Знаешь что, — строго сказала Туу-тикки. — Этот костёр на тысячу лет старше твоей скамейки. Ты радоваться должен, что она удостоилась такой чести!

---

[6] Примечания: 6
Перевод Марины Бородицкой.

Больше Муми-тролль ничего не говорил. «Придётся как-то объяснить это дома, — подумал он. — А может, весенними штормами к берегу прибьёт новые дрова и новые скамейки».

Будущий костёр рос и рос. На скалу стаскивались сухие деревья, гнилые стволы, старые бочки и доски, найденные на берегу. Таскальщики не показывались. Муми-тролль чувствовал, что на скале полно народу, но ему так и не удалось никого разглядеть.

Малышка Мю принесла свою коробку.

— Она мне больше не нужна, — сказала она. — Кататься с горки удобнее на подносе. А сестрице отлично спится в ковре из Муми-дома. Когда уже начнём?

— Когда выйдет луна, — сказала Туу-тикки.

Весь вечер Муми-тролль был сам не свой. Он бродил из одной комнаты в другую и зажигал везде свечи. Время от времени он замирал, слушая, как дышат спящие и как поскрипывают от мороза стены.

Он был уверен, что теперь-то все таинственные незнакомцы повылезут из своих нор, все эти светобоязливые и странные, про которых рассказывала Туу-тикки. Они придут неслышными шагами к большому костру, который соорудили

маленькие существа, чтобы победить темноту и холод. И он наконец-то их увидит.

Муми-тролль зажёг масляный фонарь и пошёл на чердак.

Он открыл чердачное окошко. Луна ещё не показывалась, но северное сияние залило долину своим бледным светом. Внизу тянулось по мосту факельное шествие, вокруг него плясали тени. Тени направлялись к морю и высокой скале.

Муми-тролль осторожно спустился, держа в лапе фонарь. Сад и лес были полны смутных огней и шёпота, и все следы вели к скале.

Когда он дошёл до берега, надо льдом уже взошла луна. Она была белая, как мел, и далёкая-далёкая. Кто-то шевельнулся рядом с ним, и он увидел малышку Мю с блестящими злыми глазами.

— Сейчас будет пожар, — сказала она со смехом. — Спалим весь лунный свет.

Они одновременно глянули в сторону скалы и увидели, как запрыгали там жёлтые языки пламени: Туу-тикки разожгла костёр.

Пламя вмиг взметнулось до самого неба, оно ревело, как лев, и отражалось в чёрном льду. Короткий одинокий звук флейты промелькнул мимо Муми-тролля: запоздавшая бурозубка спешила на зимний праздник.

Большие и маленькие тени радостно скакали вокруг костра на вершине скалы. А потом начали выстукивать хвостами барабанную дробь.

— Конец теперь твоей скамейке, — сказала малышка Мю.

— И что? — раздражённо проговорил Муми-тролль. Он ползком карабкался по обледенелой скале в отблесках пламени. Снег растаял от жара, и тёплая вода заливала лапы.

«Солнце вернётся, — с волнением думал Муми-тролль. — Темнота и одиночество закончатся. И можно будет снова сесть на крыльце и подставить спину теплу…»

Он наконец добрался до верха. Возле костра было жарко. Невидимая бурозубка заиграла новый, ещё более отчаянный танец.

Но пляшущие тени вдруг отодвинулись, и барабанная дробь зазвучала с другой стороны костра.

— Почему они уходят? — спросил Муми-тролль.

Туу-тикки посмотрела на него спокойными синими глазами. Но Муми-тролль не был уверен, что она его видит. Туу-тикки смотрела на собственный зимний мир, который из года в год жил по своим странным законам, пока Муми-тролль спал в тёплом Муми-доме.

— А где тот, кто живёт в шкафчике? — спросил Муми-тролль.

— Что? — рассеянно откликнулась Туу-тикки.

— Мне бы хотелось увидеть того, кто живёт в шкафчике, — повторил Муми-тролль.

— Ему нельзя выходить, — ответила Туу-тикки. — Никогда не знаешь, что взбредёт ему в голову.

Толпа мелких длинноногих зверушек пронес-

лась надо льдом, точно дым. Некто с серебряным рогом протопал мимо Муми-тролля; над огнём, взмахивая мощными крыльями, кто-то чёрный пролетел к северу. Но всё происходило так быстро, что Муми-тролля так и не успели никому представить.

— Туу-тикки, пожалуйста. — Муми-тролль умоляюще потянул её за куртку.

Туу-тикки кивнула:

— Вон тот, кто живёт под тумбочкой.

Небольшое существо с мохнатыми бровями сидело в сторонке, глядя на огонь.

Муми-тролль подсел к нему и спросил:

— Надеюсь, сухарики были не очень чёрствые?

Существо посмотрело на него, но ничего не сказало.

— У вас редкой мохнатости брови, — вежливо продолжал Муми-тролль.

— Снадаф умух, — ответило на этот раз существо.

— Как-как? — переспросил изумлённый Муми-тролль.

— Радамса, — сердито проговорило существо.

— Он говорит на своём языке, и ему кажется, что ты его обидел, — объяснила Туу-тикки.

— Я не хотел, — встревожился Муми-тролль. — Радамса, радамса, — с готовностью повторил он.

Существо с бровями окончательно вышло из

себя, встало и исчезло.

— Ну что я ему сделал? — вздохнул Муми-тролль. — Теперь он снова на целый год спрячется под своей тумбочкой и даже не узна́ет, что я просто хотел сказать ему что-то приятное.

— Бывает, — пожала плечами Туу-тикки.

Садовая скамейка обрушилась, рассыпав искры.

Ничего больше не горело, только вспыхивало, да натаявшая из снега вода кипела в трещинах. И вдруг бурозубка перестала играть, и все посмотрели на лёд.

Там сидела Морра. Огонь отражался в её маленьких круглых глазах, но вся остальная Морра была огромная, серая и бесформенная. Она стала гораздо больше, чем в августе.

Когда Морра полезла по скале наверх, барабанный бой тоже смолк. Она подошла прямо к костру и, ни слова не говоря, уселась на него.

Раздалось оглушительное шипение, и вся скала окуталась паром. Когда пар рассеялся, ничего уже больше не вспыхивало. Осталась только большая серая Морра, и от её дыхания поднимался седой туман.

Муми-тролль слетел вниз, на берег, он отыскал

Туу-тикки и крикнул:

— Что теперь будет? Морра погасила солнце?

— Успокойся, — сказала Туу-тикки. — Она не собиралась тушить огонь, бедняга просто хотела погреться. Но огонь всегда гаснет, когда она на него садится. Вот и теперь ей не повезло.

Муми-тролль увидел, как Морра встала и обнюхала заледеневшие угли. Потом она подошла к масляному фонарю Муми-тролля, который всё ещё горел на скале. Погас и фонарь.

Морра постояла ещё мгновение. Скала была пуста, все разбежались. Морра стекла обратно на лёд и растворилась в темноте, такая же одинокая, как пришла.

Муми-тролль вернулся домой.

Перед сном он осторожно подёргал маму за ухо и сказал:

— Торжество было так себе.

— Ну что ж, дорогой, — пробормотала мама во сне, — может, в следующий раз…

А под тумбочкой на кухне сидело существо с бровями и ругалось про себя:

— Радамса, — повторяло оно и подёргивало плечами. — Радамса!

Но что это означало, никто, кроме него самого, понятия не имел.

Туу-тикки сидела подо льдом и ловила рыбу. Она думала о том, как удачно, что море время от времени отступает и не нужно ничего делать, кроме как спуститься в прорубь возле купальни и усесться с удочкой на камни. Сверху простиралась зеленоватая ледяная крыша, а у ног плескалось море.

Чёрный пол и зелёный потолок уходили вдаль, встречались друг с другом и превращались в темноту.

Рядом с Туу-тикки уже лежали четыре маленькие рыбёшки. Осталось поймать ещё одну, и хватит на уху.

Мостки вдруг закачались под чьими-то нетерпеливыми шагами. Муми-тролль наверху постучал в дверь купальни. Подождал немного и ещё раз постучал.

— Эй! — позвала Туу-тикки. — Я подо льдом!

Эхо отскочило от ледяного потолка и закричало: «Эй!» — и несколько раз пропрыгало туда-сюда, повторяя: «Подо льдом!»

Спустя мгновение в проруби показалась опасливая морда Муми-тролля. На ушах у него красовалась потрёпанная золотая ленточка.

Он посмотрел на чёрную воду, от которой поднимались морозные клубы, на Туу-тиккиных четырёх рыбёшек и проговорил дрожащим голосом:

— Оно не пришло.

— Кто? — не поняла Туу-тикки.

— Да солнце! — воскликнул Муми-тролль.

— Солнце, — повторило эхо, — солнце, солнце, солнце…

Эхо укатывалось подо льдом всё дальше и звучало всё слабее.

Туу-тикки смотала леску.

— Не переживай ты так, — проговорила она. — Каждый год в этот самый день оно возвращается, так что, скорей всего, придёт и сегодня. Убери нос

и дай мне выйти.

Туу-тикки выбралась из проруби и села на лесенку перед дверью купальни. Мгновение она прислушивалась и принюхивалась. Потом сказала:

— Вот сейчас. Сиди и жди.

Малышка Мю проехалась по льду и уселась рядом с ними. К ногам она привязала жестяные крышки от консервных банок, чтобы лучше скользить.

— Опять у нас какое-то мероприятие, — сказала она. — Но я лично только за то, чтобы освещение стало чуть получше.

Из долины прилетели две старые вороны и опустились на крышу купальни. Минуты шли.

И вдруг шёрстка у Муми-тролля на затылке встала дыбом, и он, охваченный небывалым волнением, увидел над сумеречным горизонтом красное зарево. Оно вытянулось в узкую алую полосу, от неё на лёд легли длинные лучи.

— Вон оно! — возопил Муми-тролль.

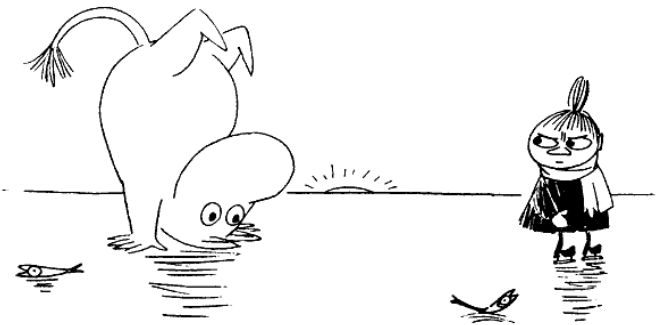
Он поднял малышку Мю в воздух и поцеловал её в нос.

— Да не валяй дурака, — сказала Мю. — Чего ради столько шума?

— Есть ради чего! — воскликнул Муми-

тролль. — Весна! Станет тепло! Все проснутся!

Он подхватил со льда рыбёшек и подкинул их высоко в небо. Он стоял на льду и был счастлив, как никогда.



И тут лёд снова потемнел.

Вороны поднялись в воздух и медленно замахали крыльями в направлении долины. Туу-тикки собрала своих рыбёшек, а алая полоска втянулась обратно за горизонт.

— Оно пропало? — ужаснулся Муми-тролль.

— Немудрено, посмотрев на такое поведение, — съязвила малышка Мю и укатила на своих крышках.

— Завтра оно снова выйдет, — сказала Туу-тикки. — И будет чуть-чуть побольше, примерно с корочку от сыра. Не переживай.

Туу-тикки полезла под лёд зачерпнуть морской воды в суповую кастрюлю.

Она, конечно, была права. Не может же солнце вот так запросто взять и целиком появиться. Но оттого, что кто-то прав, тебе ничуть не легче. Даже наоборот.

Муми-тролль сел, не отрывая глаз ото льда, и вдруг разозлился. Злость начиналась где-то в животе, как и все сильные чувства. Он почувствовал себя обманутым.

Он застыдился, что поднял такой шум и повязал золотую ленточку. Злость кипела в нём всё сильнее. В конце концов он ощутил, что просто обязан сделать что-нибудь ужасное и запретное. Вот прямо сейчас.

Он вскочил, бросился по мосткам в купальню. Подбежал к шкафчику и распахнул дверцы.

Внутри висели халаты. Там же был и резиновый хемуль, которого никогда не удавалось толком надуть. Всё было как летом. Но на полу, забив-

шись в угол, сидел и таращился на него кто-то маленький. Мохнатый, серый и широкомордый.

Существо шевельнулось, сквозняком промелькнуло в ногах и исчезло. Муми-тролль успел заметить только, как из двери купальни выскальзывает чёрная верёвочка хвоста. Кисточка на кончике хвоста на миг застряла в щели, её выдернули, и существо окончательно пропало.

В тот же миг в купальню вошла Туу-тикки с кастрюлей.

— Всё-таки не удержался, — проговорила она.

— Там была какая-то старая крыса, — ответил Муми-тролль, всё ещё сердитый.

— Это не крыса, — сказала Туу-тикки. — Это был тролль. Такой же, каким был ты до того, как стал муми-троллем. Тысячу лет назад ты выглядел бы точно так же.

Что на это ответить, Муми-тролль не знал. Он пошёл домой, сел в гостиной и задумался.

Через минуту зашла малышка Мю одолжить сахару и стеариновую свечку.

— Про тебя рассказывают всякие ужасы, — сказала она с восхищением. — Говорят, что ты выпустил из шкафа своего прапрадедушку и что вы с ним похожи.

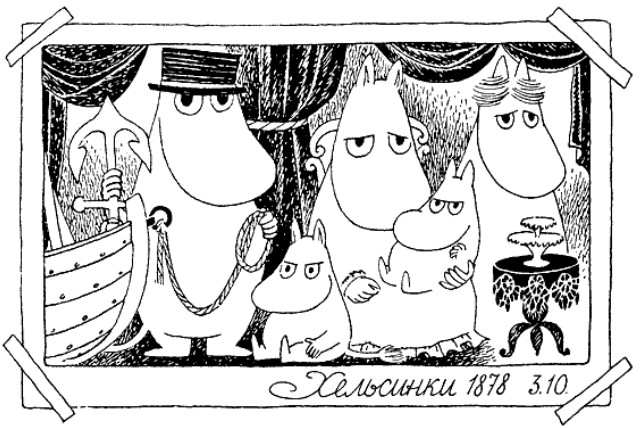
— Замолчи, а? — попросил Муми-тролль.

Он пошёл на чердак и достал семейный альбом.

Со всех страниц на него смотрели достойные муми-тролли, снятые чаще всего на фоне изразцовой печи или на крыльце.

«Это какая-то ошибка, — подумал Муми-тролль. — Мы не можем быть родственниками».

Он посмотрел на спящего Муми-папу. Кажется, носы у них с предком похожи. Может, тысячу лет назад…



Хрустальная люстра вдруг зазвенела. Она тихонько раскачивалась туда-сюда, под тюлем кто-то шевелился.

— Вон он, — тихо пробормотал Муми-тролль. — Предок обосновался на люстре.

Но это уже не пугало. Муми-тролль начал привыкать к зимним чудесам.

— Как дела? — тихонько спросил он.

Предок посмотрел на него через тюль и шевельнул ушами.

— Поосторожнее с люстрой, — сказал Муми-тролль. — Это фамильная ценность.

Предок наклонил голову и взглянул на него внимательно и с любопытством.

«Сейчас заговорит», — подумал Муми-тролль. И вдруг ужасно испугался. Что, если предок залопочет по-иностранному, как существо с бровями? Разозлится и скажет: «Радамса!» — или ещё-нибудь в этом духе? Тогда они так и не познакомятся.

— Тсс! — шепнул Муми-тролль. — Не говори ничего.

Наверное, они всё-таки родственники. А родственники, заглянув в гости, могут остаться очень даже надолго. Если это предок, он может поселиться и навсегда. Кто его знает. Стоит один

раз сплоховать, он что-нибудь не так поймёт и рассердится. И придётся всю жизнь жить в компании сердитого предка.

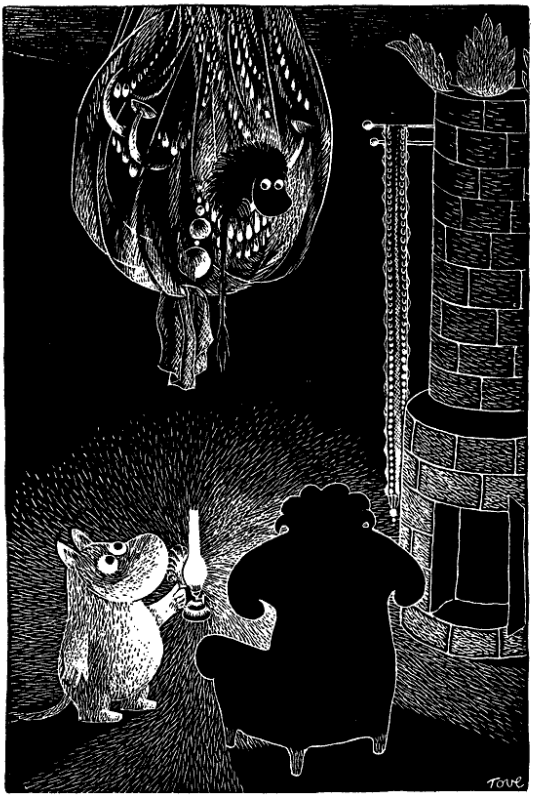
— Тсс! — повторил Муми-тролль. — Тсс!

Предок тряхнул люстру, но ничего не сказал.

«Надо показать ему дом, — подумал Муми-тролль. — Мама так бы и сделала, если б к нам в гости явился кто-то из родственников».

Он взял фонарь и осветил красивую картину кисти неизвестного художника «Филифьонка у окна». Троллик посмотрел на картину и закачался туда-сюда.

Муми-тролль перешёл к плюшевому дивану и посветил на него. Он показал троллику по очереди все стулья, зеркало в гостиной и трамвайчик из морской пенки — всё самое ценное и красивое, чем владела его семья.


Tove

Предок осматривал богатства внимательно, но с явным недоумением. В конце концов Муми-тролль вздохнул и поставил фонарь на край изразцовой печки. И тут троллик оживился.

Серой тряпичной кучкой он свалился с хрустальной люстры и засуетился вокруг печи. Он сунул голову в печь и понюхал золу. Он страшно заинтересовался красивым шнурком от вьюшки и долго обнюхивал щель между печью и стеной.

«Похоже, это правда, — огорчился Муми-тролль. — Мы с ним родня. Мама всегда говорила, что наши предки жили за печью…»

И тут зазвенел будильник. Муми-тролль обычно заводил его на начало сумерек, потому что в этот час ему особенно нужна была компания.

Троллик замер, а потом метнулся в печку, да так, что зола разлетелась. Секунду спустя он начал сердито скрести вьюшку.

Муми-тролль выключил будильник и с бьющимся сердцем прислушался. Звуки из печи прекратились. Только из трубы высыпалось немного золы да шнурок от вьюшки слегка качнулся.

Муми-тролль поднялся на крышу — успокоиться.

— Ну, как вы поладили с предком? — крикнула

с горки малышка Мю.

— Отлично, — с достоинством ответил Муми-тролль. — В таких древних родах, как наш, умеют себя вести.

Он вдруг ощутил гордость — у него есть предок! Не то что у малышки Мю, никакого родового древа не имевшей и появившейся в этом мире по чистой случайности.

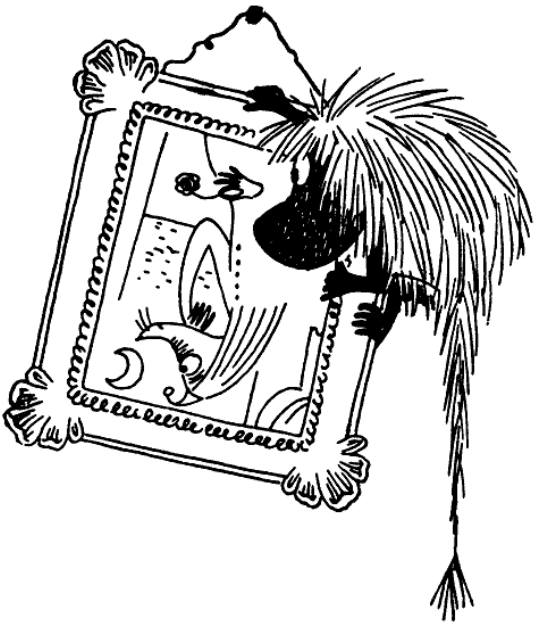
Ночью предок сделал перестановку во всём доме. Действовал он тихо, но обнаружил неожиданную физическую силу.

Он передвинул диван к печке и перевесил все картины. Те, которые ему понравились меньше всего, он повесил вверх ногами (а может, наоборот, это были особо любимые, кто его знает).

Вся мебель стояла теперь по-другому, будильник валялся в помойном ведре. Взамен предок натащил с чердака всевозможного хлама и разложил его вокруг печки.

Туу-тикки зашла посмотреть.

— Наверное, он хотел создать уют, — сказала она, потирая нос. — Огородить своё жильё понадёжнее. Он любит покой.



— Но что скажет мама? — спросил Муми-тролль.

Туу-тикки пожала плечами:

— А зачем ты его выпустил? Зато он хотя бы ничего не ест. Очень удобно — и для тебя, и для него. Вообще-то забавно получилось, разве нет?

Муми-тролль кивнул.

Секунду подумав, он заполз внутрь ограды из драной мебели, пустых коробок, рыбачьих сетей, бумажных рулонов, старых корзин и садовых инструментов. И вскоре почувствовал, что там уютно. Спать он решил в корзине со стружкой под сломанным креслом-качалкой.

Честно говоря, раньше ему было не очень-то по себе в полутёмной гостиной с зияющими пустотой окнами. При виде спящего семейства он начинал грустить.

А тайный угол между коробкой с ненужными вещами, креслом-качалкой и спинкой дивана вдруг оказался безопасным гнёздышком, в котором ему совсем не было одиноко.

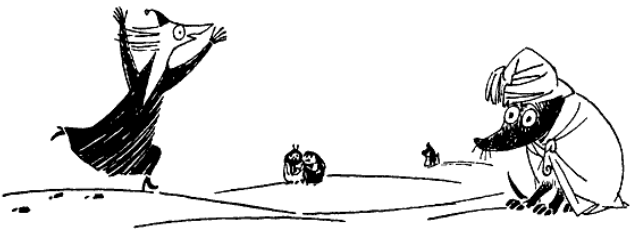
За печной дверцей было темно, но Муми-тролль всё равно обустраивал своё жилище как можно тише, стараясь не побеспокоить предка.

Вечером он поставил рядом с собой фонарь и лежал, слушая, как предок скребётся в печи.

«Вот так и я жил тысячу лет назад», — растроганно подумал Муми-тролль.

На миг у него мелькнула мысль крикнуть что-нибудь в трубу в знак тайного взаимопонимания. Но потом он передумал, погасил лампу и зарылся поглубже в стружку.

Глава пятая
Одинокие гости



Солнце с каждым днём поднималось всё выше. В конце концов оно забралось так высоко, что несколько осторожных лучей дотянулось до самой долины. В этот примечательный день к вечеру в доме появился ещё один гость.

Это был маленький тощий пёсик в потёртой шапочке, надвинутой на глаза. Он сказал, что его зовут Хухрик и что в соседних долинах закончилась вся еда. После прихода Ледяной Дамы стало ещё труднее добывать пропитание. Поговаривали, что какой-то хемуль с голоду слопал свою коллекцию насекомых, но это уж вряд ли.

Наверняка он съел коллекцию какого-нибудь своего коллеги. Как бы то ни было, в Муми-долину оттуда направлялась целая толпа.

Кто-то сказал, что в Муми-долине есть ягоды рябины и погреб с вареньем. Но уж про погреб-то наверняка выдумки.

Хухрик сел на свой облезлый хвост и озабоченно сморщил мордочку.

— Никогда не слышала ни про какое варенье, — сказала Туу-тикки. — Мы питаемся рыбным супом.

Муми-тролль бросил быстрый взгляд на круглый сугроб за дровяным сараем.

— Да вон же он, погреб! — воскликнула малышка Мю. — Там столько варенья, что лопнуть можно, и на каждой банке написан год, и все перевязаны красными верёвочками!

— Вообще-то, я тут специально охраняю припасы нашей семьи, пока все спят, — сказал Муми-тролль, покраснев.

— Конечно-конечно, — покорно согласился Хухрик.

Муми-тролль посмотрел на крыльцо, потом на собачью сморщенную мордочку.

— Ты любишь варенье? — сердито спросил он.

— Не знаю, — сказал Хухрик.

Муми-тролль вздохнул:

— Ладно. Только начинайте с самых старых банок.

Через пару часов по мосту прибежала целая толпа всяких малявок во главе с Филифьонкой, которая была слегка не в себе и с причитаниями забе́гала по саду. Цветы у неё в доме помёрзли. Все припасы кто-то сожрал. А по дороге в Муми-долину она повстречала какую-то бессовестную гафсу, которая сказала, что зима есть зима и к этому надо быть готовым.

В сумерках долина была уже полным-полна народа, который протоптал тропинку к погребу с вареньем. Те, у кого ещё были силы стоять на ногах, дошли до берега моря и поселились в купальне.

В гроте никому поселиться не удалось.

Малышка Мю сказала, что Мюмле нужен покой.

Самые жалкие сидели, попискивая, перед Муми-домом.

Муми-тролль с масляным фонарём вылез на крышу и посветил на них.

— Пойдёмте ночевать в дом, — позвал он. — А то тут шныряют всякие… Морры и ей подобные.

— Я не взберусь по лестнице, — объяснил один

старый хомса.

Тогда Муми-тролль принялся выкапывать из-под снега дверь. Он рыл, копал и трудился изо всех сил. Он прорыл в снегу длинный узкий туннель, но, когда в конце концов подкопался к дому, перед ним оказалась не дверь, а намертво примёрзшее окно.

— Выходит, я рыл не туда, — понял Муми-тролль. — Но если начать новый туннель, неизвестно, выйдет ли он вообще к дому.

Муми-тролль со всей возможной аккуратностью разбил окно, и гости потянулись внутрь.

— Не будите домашних, — сказал Муми-тролль. — Здесь спят мама с папой, а вон там — фрёкен Снорк (вообще-то дома мы зовём её Снорочкой). В печке живёт мой предок. Заворачивайтесь в коврики, больше уже ничего не осталось.

Гости поклонились спящим домочадцам. Потом они послушно завернулись в коврики и скатерти, а самая мелюзга устроилась в шляпах и тапочках.

Многие успели простудиться, некоторые тосковали по дому.

«Какой ужас, — подумал Муми-тролль. — Погреб скоро опустеет. А что я скажу своим, когда

все проснутся весной, а тут картины вверх ногами, да ещё полный дом народу?»

Он выполз через туннель наружу проверить, не забыли ли кого-нибудь.

В голубом лунном свете Хухрик сидел в одиночестве на снегу и выл. Он поднимал морду в воздух и заводил длинную печальную песню.

— Ты чего не идёшь спать? — спросил Муми-тролль.

Хухрик посмотрел на него зелёными от лунного света глазами. Одно ухо у него свисало вниз, другое торчало вверх, будто он всё время прислушивался. И весь вид у него был прислушивающийся.

Откуда-то издалека донёсся еле слышный волчий вой. Хухрик печально покивал и ещё плотнее надвинул шапочку.

— Это мои большие сильные братья, — шепнул он. — Если бы ты знал, как я по ним тоскую!

— А ты их не боишься? — удивился Муми-тролль.

— Боюсь, — сказал Хухрик. — Это-то самое печальное.

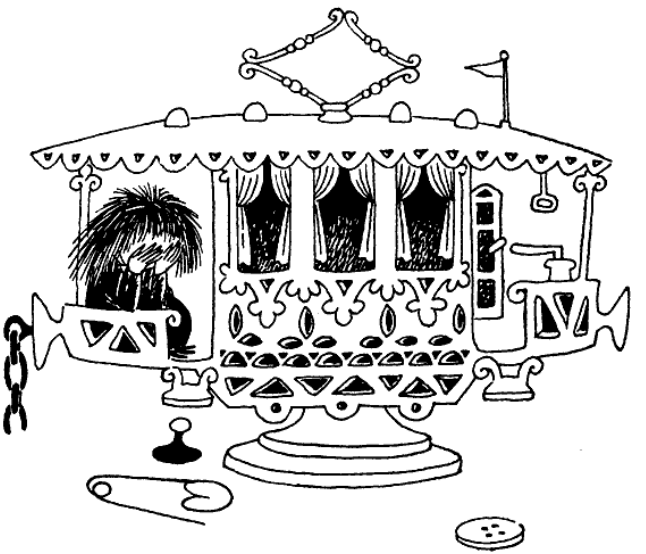
И Хухрик заковылял по протоптанной тропинке к купальне.

А Муми-тролль заполз обратно в гостиную.

Какая-то малявка испугалась зеркала и теперь всхлипывала, сидя на трамвайчике из пенки.

В остальном было тихо.

«Вот бедолаги, — подумал Муми-тролль. — Может, и ничего, что я сказал про погреб? В конце концов, самые лучшие банки, с клубничным вареньем, можно припрятать. На потом».



На рассвете долину разбудили звонкие, всюду проникающие звуки горна. Мю в гроте вскочила и начала притопывать в такт. Туу-тикки навострила уши, а пёсик Хухрик поджал хвост и спрятался под лавку.

Предок сердито загремел вьюшкой, большинство гостей проснулись.

Муми-тролль бросился к окну и выполз через туннель наружу.

В бледном свете зимнего солнца он увидел, как по склону несётся вниз большой хемуль.

Он трубил в блестящий медный горн и, похоже, прекрасно себя чувствовал.

«Этот точно слопает всё варенье, — с ужасом подумал Муми-тролль. — И что у него такое приделано к ногам?»

Хемуль положил горн на крышу сарая и снял лыжи.

— Хорошие склоны! — похвалил он. — А слалом у вас тут есть?

— Сейчас спрошу, — сказал Муми-тролль.

Он заполз обратно в гостиную и спросил:

— Есть тут кто-нибудь по имени Слалом?

— Меня зовут Саломея, — прошептала малютка, которая испугалась зеркала.

Муми-тролль вернулся к Хемулю и сообщил:

— Ну почти. Есть одна, которую зовут Саломея.

Но Хемуль уже принюхивался к табачной грядке Муми-папы и не слушал.

— Вот подходящее местечко, — сказал он. — Здесь мы построим снежный дом.

— Вы можете жить в нашем, — с сомнением проговорил Муми-тролль.

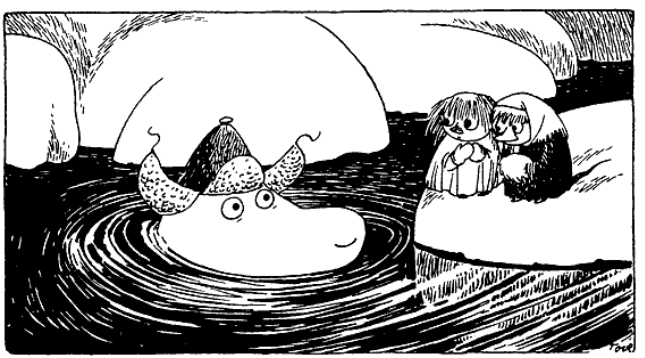
— Нет уж, спасибо, — ответствовал Хемуль. — Дышать спёртым воздухом вредно для здоровья. Мне нужен свежий воздух, и побольше! Пожалуй, начну сейчас же, чтоб время зря не терять.

Гости из Муми-дома постепенно повылезали наружу и теперь стояли вокруг и смотрели.

— А можете ещё немножко потрубить? — спросила малютка Саломея.

— Всему своё время, — жизнерадостно проговорил Хемуль. — Сейчас — за работу!

Минуту спустя все гости уже строили снежный дом на Муми-папиной грядке. Сам Хемуль отправился на реку купаться. Дрожащие малявки на берегу смотрели на него с ужасом.



Муми-тролль со всех лап бросился к купальне.

— Туу-тикки! — закричал он. — Там пришёл какой-то хемуль... Он собирается строить снежный дом, а сейчас пошёл на речку купаться!

— А, этот самый хемуль, — вздохнула Туу-тикки. — Тогда покоя нам больше не видать.

Она смотала удочку и пошла за Муми-троллем.

По дороге они встретили малышку Мю, сияющую от восторга.

— Вы видели, что у него на ногах? — кричала она. — Это называется «лыжи»! Я сейчас сделаю

себе такие же!

Дом Хемуля начал понемногу обретать форму. Гости работали что было сил, время от времени, правда, бросая тоскливые взгляды в сторону погреба. Хемуль на берегу реки делал гимнастику.

— Морозец — чудо! — восклицал он. — Именно зимой я всегда прекрасно себя чувствую! Не хотите тоже окунуться перед завтраком?

Муми-тролль смотрел на его яркий, в чёрную и лимонно-жёлтую полоску, свитер и пытался понять, чем же этот Хемуль ему так не нравится. Ведь он сам хотел, чтобы тут появился кто-нибудь не тайный и загадочный, а весёлый и деятельный, точь-в-точь как Хемуль.

Но теперь Хемуль казался даже более чужим, чем сердитое и несговорчивое существо из-под кухонной тумбочки.

Муми-тролль беспомощно посмотрел на Туутикки. Та изучала свою лопату, приподняв брови и слегка оттопырив нижнюю губу. Муми-тролль понял, что ей тоже не нравится Хемуль. Он повернулся к Хемулю и, мучимый угрызениями совести, сказал приветливо:

— Здо́рово, наверное, так любить холодную воду.

— А я что говорю! — просиял Хемуль. — Смыва-

ет все ненужные мысли и разгоняет бесполезные фантазии. Поверь мне, ничего нет опаснее, чем сидеть в четырёх стенах.

— Да? — удивился Муми-тролль.

— Точно. От этого возникают разные идеи, — заверил Хемуль. — А кстати, когда тут обычно завтрак?

— Когда я наловлю рыбы, — мрачно сообщила Туу-тикки.

— Рыбу я не ем, — объявил Хемуль. — Я питаюсь только овощами и ягодами.

— Клюквенное варенье подойдёт? — с надеждой спросил Муми-тролль. В погребе оставался один-единственный горшок протёртой клюквы, на которую никто не польстился.

Но Хемуль ответил:

— Не, лучше клубничное.

После еды Хемуль нацепил лыжи и полез на самый высокий склон, тот, который спускался от крыши грота в долину. Гости собрались поглазеть внизу, не зная, чего ждать.

Они топтались по снегу и время от времени растирали лапами морды — день был холодный.

Хемуль начал спуск. Это было зрелище не для слабонервных. Посреди горы он вдруг развернулся, рассыпав сверкающую пыль, и поехал в другом направлении. Потом хохотнул и повернул обратно. Он катался зигзагами туда-сюда, и от его жёлто-чёрного свитера рябило в глазах.

Муми-тролль зажмурился и подумал: «Какие же мы все разные!»

Малышка Мю стояла на вершине и верещала от восхищения. Она разломала бочку и привязала к подошвам ботинок две дощечки.

— А теперь я! — крикнула она.

Ни секунды не медля, она бросилась с горы вниз. Муми-тролль приоткрыл один глаз и понял,

что Мю не пропадёт. Капризная мордочка была полна уверенности и восторга, ноги стояли твёрдо и прямо, как две спички.

Муми-тролль вдруг почувствовал гордость за неё. Малышка Мю катила вниз, несмотря ни на что, проскользила в опасной близости от одной из сосен, пошатнулась, выровнялась — и вот она уже внизу, сидит на снегу и хохочет во всё горло.

— Мы с ней старые друзья, — сказал Муми-тролль Филифьонке.

— Заметно, — кисло проговорила Филифьонка. — А в котором часу в этом доме пьют кофе?

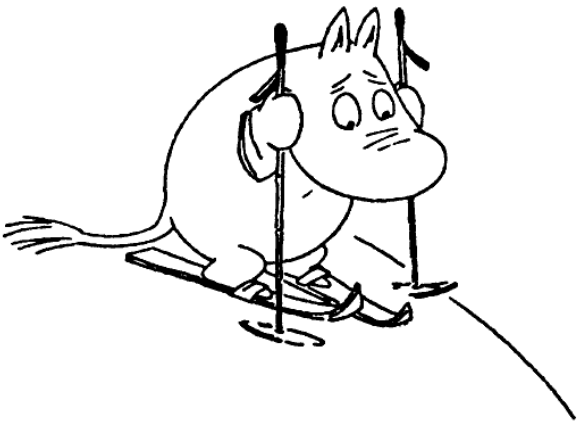
Хемуль широкими шагами подходил к ним. Он уже снял лыжи, морда его лучилась теплом и дружелюбием.

— А теперь мы поучим кататься Муми-тролля, — сказал он.

— Спасибо, не надо, — пробормотал Муми-тролль, пятясь назад. Он поискал глазами Туутикки, но она уже исчезла — наверное, пошла ловить новых рыбёшек на суп.

— Не бойся, — ободряюще сказал Хемуль и прицепил лыжи Муми-троллю на лапы.

— Я не хочу, — с несчастным видом проговорил Муми-тролль.



Малышка Мю изумлённо подняла брови.

— Ну ладно, — смирился Муми-тролль. — Но только не с той верхотуры.

— Конечно-конечно, просто с холма и до моста, — разрешил Хемуль. — Подогни колени. Наклонись вперёд. Верхнюю часть тела держи прямо. Локти прижми. Всё запомнил?

— Нет, — сказал Муми-тролль.

Хемуль подтолкнул его в спину, Муми-тролль зажмурился и поехал. Сначала лыжи попытались разъехаться в разные стороны. Потом они скрестились и перепутались с палками. Муми-тролль, в странной позе, завалился сверху.

Гости оживились.

— Терпение, друг мой, — наставлял Хемуль. — Поднимайся и попробуй ещё раз.

— У меня лапы дрожат, — промямлил Муми-тролль.

Это было даже хуже, чем зима в одиночестве. Да ещё и солнце, которого он так ждал, освещало всю долину и было свидетелем его позора.

Теперь мост рванулся ему навстречу. Муми-тролль взмахнул одной лапой, чтобы удержать равновесие. Вторая продолжила спуск. Гости закричали «ура!», им явно казалось, что жизнь налаживается.

Муми-тролль уже не разбирал, где верх и где низ. Кругом были только снег, позор и отчаяние.

В конце концов он повис на прибрежной иве, уронив хвост в холодную воду. Весь мир был полон лыж, палок и мрачных перспектив.

— Не теряй присутствия духа! — бодро посоветовал Хемуль. — Ещё разок!

Но ещё разок не случился, потому что Муми-тролль всё-таки потерял присутствие духа. Так уж вышло, хотя потом он ещё долго мечтал о том, каким бы мог быть его третий победный раз. Он по красивой дуге подкатил бы к мосту, переехал на другую сторону и улыбнулся, а остальные закричали бы от восторга.

Увы, ничего этого не произошло. Муми-тролль просто сказал:

— Я пошёл домой. Катайтесь себе сколько влезет, я пошёл домой.

Не глядя ни на кого, он залез в свой туннель, в тёплую гостиную, в уютное гнёздышко под креслом.

Крики Хемуля доносились с холма даже туда. Муми-тролль сунул голову в печку и прошептал:

— Мне он тоже не нравится.

Предок натряс вниз немножко сажи — видимо, в знак сочувствия. Муми-тролль принялся безмятежно рисовать углём на спинке дивана. Он рисовал Хемуля, засунутого головой в сугроб. В печке была припрятана большая банка клубничного варенья.

На следующей неделе Туу-тикки в знак протеста засела подо льдом. Рядом с ней под зелёным ледяным потолком жалась стайка гостей, они

тоже рыбачили. Это были гости, которые не поддерживали Хемуля. Те, которым было всё равно, и те, кто не умел или не решался высказать своё мнение, постепенно обосновались в Муми-доме.

С утра пораньше Хемуль засовывал голову в сломанное окно и светил своим факелом. Он любил факелы и костры — конечно, кто их не любит, но Хемуль выбирал для них не самое подходящее место.

Гостям нравились долгие праздные утра, когда день наступал постепенно, под разговоры о том, кто какой видел сон, под бульканье кофейника на кухне, где Муми-тролль варил для всех кофе.

Хемуль всё портил. Он всегда начинал с того, как душно внутри и как прохладно и замечательно снаружи. Потом он радостно рассказывал о том, чем ещё сегодня можно заняться. Он прилагал все усилия, чтобы их развлечь, и никогда не обижался, если кто-то отказывался. Он просто подталкивал упрямцев в спину, приговаривая:

— Ничего-ничего, скоро вы убедитесь, что я был прав.

Одна только малышка Мю ходила за Хемулем по пятам. Хемуль с готовностью рассказал ей про лыжи всё, что знал сам, и радостно сиял, видя, как быстро продвигается его ученица.

— Милая барышня, да вы просто прирождённая лыжница! — приговаривал он. — Вы скоро даже меня переплюнете!

— Я и собираюсь, — честно призналась Мю.

Выучившись всему, она укатила на дальние склоны, о которых никто, кроме неё, ничего не знал, и даже не вспомнила про Хемуля.

Но всё больше гостей присоединялось к подлёдной рыбалке, и в конце концов на склоне

остался один только Хемуль в своём чёрно-жёлтом свитере.

Гостям не нравилось, когда их тащили силой к чему-то новому и утомительному.

Они больше любили сидеть и беседовать о том, какой была жизнь до того, как пришла Ледяная Дама и закончилась вся еда. Они рассказывали друг другу, какая мебель была у них в доме, кому они доводились родственниками и с кем встречались и как плохо стало, когда пришли большие морозы и всё переменилось.

Они придвигались поближе к печке и слушали других, пока не наступал их собственный черёд говорить.

Муми-тролль всё чаще видел Хемуля в одиночестве. «Надо выпроводить его отсюда, пока он не заметил это сам, — думал Муми-тролль. — И пока не закончилось варенье».

Но придумать что-то убедительное и одновременно необидное было нелегко.

Иногда Хемуль добегал на лыжах до моря и пытался выманить из купальни Хухрика. Но Хухрик не хотел быть ездовой собакой и кататься с гор тоже не хотел. Ночами он всё время выл на луну, а днём позёвывал и хотел спать.

Однажды Хемуль даже отставил лыжные палки

в сторону и умоляюще сложил ладони:

— Послушай, я ужасно люблю собак. Я всегда мечтал завести собаку, которая тоже меня полюбит. Почему ты не хочешь со мной поиграть?

— Сам не знаю, — пробормотал Хухрик, покраснев.

При первой возможности он улизнул обратно в купальню и снова погрузился в свои мечты о волках.

Вот с ними он бы с удовольствием поиграл. Какое счастье — охотиться вместе с волками, ходить за ними по пятам, делать всё то, что и они, слушаться вожака. И понемногу становиться таким же диким и свободным.

Каждую ночь, как только луна освещала ледяные цветы на окнах, Хухрик просыпался и навострял уши. И каждую ночь надевал свою шапочку и выходил на улицу.

Он всегда шёл одной и той же дорогой, через берег и склон к южной опушке леса, заходил так далеко, что лес редел и показывались Одинокие горы. Там он садился на снег и ждал волчьего воя. Волки были то дальше, то ближе. Но они выли почти каждую ночь.

И всякий раз, слыша их вой, Хухрик поднимал морду и отвечал им.

По утрам он тихонько пробирался в купальню и залезал в шкафчик спать.

Однажды Туу-тикки, видя это всё, сказала:

— Так ты никогда их не забудешь.

— Я и не хочу забывать, — ответил Хухрик. — Затем я туда и хожу.

Как ни странно, малютка Саломея — самая робкая из гостей — очень привязалась к Хемулю. Она всегда рада была послушать, как он трубит в свой горн. Увы, Хемуль был такой большой и такой суетливый, что просто не успевал её заметить.

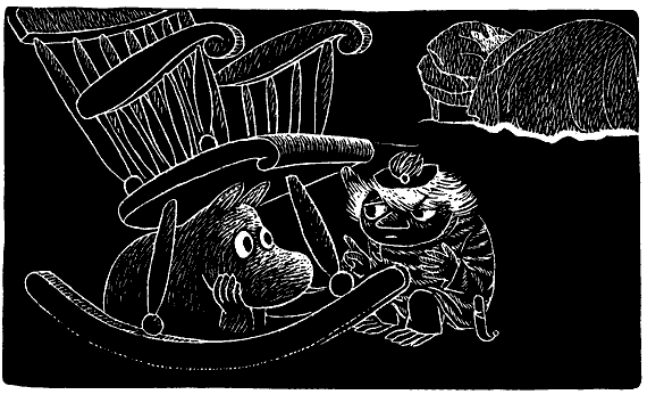
Как бы она ни бежала, как бы ни торопилась, он всегда уезжал раньше, и даже когда ей удавалось его застать, Хемуль уже не трубил, а занимался чем-то другим.

Пару раз малютка Саломея пыталась признаться Хемулю в любви. Но она была слишком застенчивой и многословной, а Хемуль — не очень хорошим слушателем.

Вот ничего сказать и не удалось.

Однажды ночью малютка Саломея проснулась в трамвайчике из пенки — она так и поселилась в нём на задней площадке. Правда, спать там было не очень удобно из-за кнопок и булавок, которые муми-семейство набросало туда за годы. Но Саломея была слишком деликатная барышня, чтобы всё это выбросить.

Она услышала, как переговариваются под креслом-качалкой Муми-тролль с Туу-тикки, и сразу поняла, что речь идёт о её обожаемом Хемуле.



— Это уже ни в какие ворота не лезет, — говорила Туу-тикки из темноты. — Нам нужен покой. С тех пор как он явился сюда дудеть в свой горн, музыкальная бурозубка отказывается играть на флейте. Мои невидимые друзья один за другим сбега́ют на север. Гости нервничают и мёрзнут, потому что целыми днями вынуждены торчать подо льдом. Хухрик до вечера прячется в шкафу. Кто-то должен сказать этому типу, чтобы он

ушёл.

— Я не могу, — пробормотал Муми-тролль. — Он уверен, что мы его любим.

— Значит, надо его обмануть, — решительно сказала Туу-тикки. — Скажем ему, что в Одиноких горах склоны для катания намного лучше и намного выше.

— Там вообще нет склонов, — укоризненно заметил Муми-тролль. — Только ущелья да голые скалы вообще без снега.

Малютка Саломея задрожала, и слёзы потекли у неё из глаз.

— Хемуль не пропадёт, — продолжала Туу-тикки. — По-твоему, лучше, если он поймёт, как мы все к нему относимся? Сам подумай.

— Может, тогда ты ему скажешь? — уныло попросил Муми-тролль.

— Он живёт в твоём саду, — отрезала Туу-тикки. — Возьми себя в руки. Всем от этого станет лучше. И ему в том числе.

Наступила тишина. Туу-тикки вылезла в окно.

Малютка Саломея лежала без сна и таращилась в темноту. Они хотят выгнать Хемуля и его медный горн. Они хотят, чтобы он упал в пропасть. Есть только один выход: Хемуля надо предупредить. Но сделать это надо с умом. Чтобы он не

догадался, что остальные хотят от него избавиться, и не расстроился.

Саломея всю ночь пролежала в раздумьях. Её головка не привыкла к таким серьёзным размышлениям, и на рассвете малютка погрузилась в безнадёжный сон. Она проспала утренний кофе и обед, и никто о ней даже не вспомнил.

После кофе Муми-тролль отправился на склон.

— Привет! — сказал Хемуль. — Здорово, что ты пришёл! Хочешь, покажу тебе один простенький поворотик? Совсем неопасный.

— Спасибо, не сейчас, — с несчастным видом проговорил Муми-тролль. — Я пришёл с тобой поговорить.

— Вот и славно, — обрадовался Хемуль. — А то я заметил, что вы тут все не особенно разговорчивые. Как только я подхожу, сразу замолкаете — и бежать.

Муми-тролль быстро глянул на Хемуля, но тот смотрел на него с искренней радостью и интересом. Муми-тролль набрал побольше воздуха и проговорил:

— Дело в том, что в Одиноких горах, как я слышал, есть просто замечательные склоны.

— Правда? — обрадовался Хемуль.

— Чистая правда! Огромные! — волнуясь, про-

должал Муми-тролль. — И подъёмы, и спуски, и всё просто потрясающее!

— Надо бы проверить, — сказал Хемуль. — Но это довольно далеко. Если я отправлюсь туда, может статься, что мы больше не увидимся до самой весны. А это жаль, верно?

— Да, — соврал Муми-тролль, покраснев.

— Но что же делать! — решил Хемуль. — Это будет настоящая дикая жизнь! Костёр из двух брёвен по вечерам, и каждый день новые вершины, которые можно покорять! Долгие горные прогулки по мягкому нетронутому снегу, который поскрипывает под лыжами…

Хемуль погрузился в мечты.

— Ты настоящий друг, раз так поддерживаешь меня в моём увлечении, — сказал он с благодарностью.

Муми-тролль смотрел на него во все глаза. Наконец он не выдержал и воскликнул:

— Но это опасные склоны!

— Только не для меня, — успокоил его Хемуль. — Очень мило с твоей стороны, что ты так обо мне беспокоишься, но я люблю горы.

— Но это совершенно ужасные горы! — закричал Муми-тролль. — Они обрываются прямо в пропасть, и на них даже снега нет! Я всё пере-

путал! Я вспомнил, они совсем не подходят для катания!

— Ты уверен? — изумился Хемуль.

— Уж поверь мне, — сказал Муми-тролль. — Останься с нами, дружище. Я, кстати, решил всё-таки научиться кататься…

— Ну ладно, — решил Хемуль. — Раз уж вы так просите…

Этот разговор так утомил Муми-тролля, что он не смог сразу пойти домой. Вместо этого он пошёл к морю и долго бродил там, подальше обходя купальню.

Он бродил, и ему становилось легче. В конце концов он почти развеселился, насвистывал и пинал по берегу ледышку. А потом пошёл снег.

Это был первый снегопад после Нового года, и Муми-тролль очень удивился.

Хлопья снега опускались ему на морду и таяли. Он ловил их лапами, чтобы полюбоваться, он смотрел вверх и видел, как они летят. Их становилось всё больше, и они были мягкие и лёгкие, как пух.

«Вот он откуда берётся! — понял Муми-тролль. — А я-то думал, что снег растёт из-под земли!»

Стало теплее. За снежными хлопьями ничего не было видно, и Муми-тролля вдруг охватил тот же восторг, какой он всегда испытывал весной, шлёпая по прибою. Он сбросил купальный халат и с разбега нырнул в сугроб.

«Зима! — подумал он. — Оказывается, её можно полюбить!»

Малютка Саломея проснулась в сумерках с тоскливым чувством, что уже слишком поздно. И вспомнила про Хемуля.

Она спрыгнула с комода сначала на стул, потом на пол. Гостиная была пуста — все ушли обедать в купальню. Саломея забралась на подоконник и, сдерживая слёзы, бросилась по снежному тунелю наружу.

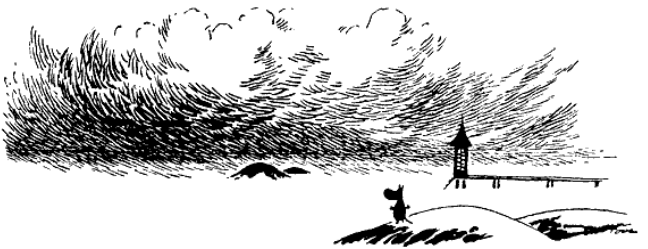
На улице не было ни луны, ни северного сияния — только снег мёл, летел в лицо, путался в платье и мешал идти. Саломея добрела до Хемулева снежного дома и заглянула внутрь. Там было пусто и темно.

Саломею охватил ужас. Она решила не ждать, пока Хемуль вернётся, а бросилась под снегопад.

Она звала своего обожаемого Хемуля, но это было всё равно что кричать через пуховую подушку. И следы её заметало снегом в мгновение ока.

К вечеру снегопад кончился.

Точно вдруг отодвинули лёгкую занавеску, и снова открылся вид на море — и на тёмно-синюю стену облаков, спрятавшую закат.



Муми-тролль смотрел на приближающуюся бурю. Будто поднялся театральный занавес перед последним актом драмы. Сцена была белой и пустынной до самого горизонта, на берег быстро надвигалась тьма. Никогда не видевший снежной бури Муми-тролль думал, что будет гроза. Он решил не бояться и уже даже приготовился к первому раскату грома.

Но грома не было.

Ни грома, ни молнии.

Вместо этого с вершины одной из прибрежных скал слетел и закружился маленький снежный

водоворот.

Ветер тревожно заметался по льду туда-сюда, зашептался в ветвях. Тёмная стена нарастала, порывы ветра становились всё яростнее.

И вдруг точно распахнулась огромная дверь, тьма разинула пасть, и отовсюду полетел мокрый снег.

Он не падал сверху, он стелился по земле, завывал и толкался, как живой.

Муми-тролль закружил на месте, в уши ему набился снег.

Исчезло время, исчез весь мир.

Улетело всё, на что можно было смотреть, к чему можно было прикоснуться. Осталась только заколдованная вьюга, пляшущая, мокрая и тёмная.

Будь рядом кто-то разумный и рассудительный, он бы сказал, что это начинается долгая-предолгая весна.

Но никого разумного на берегу не было — там вообще никого не было, кроме утратившего всякий разум Муми-тролля, который полз на четвереньках против ветра, причём не в ту сторону.

Он полз, полз, и снег запорошил ему глаза и намёл на морде целый сугроб. Муми-тролль всё больше укреплялся во мнении, что зима выдума-

ла это всё нарочно, чтобы сломать его, доказать, что он ни на что не годится.

Сначала поманила прекрасной занавеской из снежных хлопьев, а потом швырнула весь этот ураган прямо ему в нос. И как раз когда он её почти полюбил!

Муми-тролль вдруг разозлился.

Он поднялся и попробовал кричать на ураган. Он колотил снег лапами и тихонько хныкал — его ведь всё равно никто не слышал.

А потом он устал.

Муми-тролль повернулся к вьюге спиной и перестал сопротивляться.

И тут он почувствовал, что ветер тёплый. Ветер легонько подталкивал его через снегопад, и от этого Муми-троллю казалось, что он летит.

«Я ветер, я воздух, я сам — частичка вьюги», — подумал Муми-тролль и отдался на милость вет-

ра. Это было почти как летом. Сначала борешься с волнами, а потом тебя с брызгами прибивает к берегу, и плывёшь как пробка в радужной пене, и как раз в нужный момент оказываешься на песке, радуясь своему спасению.

Муми-тролль раскинул лапы и полетел.

«Пугай сколько хочешь, — подумал он с восторгом. — Теперь я всё про тебя понял. Ты не хуже всего остального, если познакомиться с тобой поближе. Больше ты меня не обманешь».

И зима снова заплясала с ним вдоль берега, пока он не ткнулся мордой в заснеженные мостки и не заметил тёплый свет, идущий от окна купальни.

— Вот это да, я спасся, — удивился Муми-тролль. — Жаль, что всё страшное заканчивается, как раз когда перестаёшь бояться и начинаешь получать удовольствие.

Дверь открылась, тёплый пар вырвался изнутри навстречу вьюге, и Муми-тролль разглядел сквозь туман, что купальня полна народу.

— Один нашёлся! — закричал кто-то.

— А кто второй? — спросил Муми-тролль, протирая от снега глаза.

— Малютка Саломея потерялась в буране, — серьёзно проговорила Туу-тикки.

По воздуху проплыл стакан горячего сока.

— Спасибо, — сказал Муми-тролль невидимой бурозубке. — Саломея ведь никогда даже из дому не выходила?

— Мы сами ничего не понимаем, — сказал старший хомса. — Но бесполезно искать её, пока вьюга не кончится. Она может быть где угодно, и её, наверное, замело снегом.

— А Хемуль где? — спросил Муми-тролль.

— Он как раз отправился на поиски, — сказала Туу-тикки и добавила с ухмылкой: — Вы, значит, всё-таки побеседовали про Одинокие горы.

— Да, и что? — взвился Муми-тролль.

Туу-тикки ухмыльнулась ещё шире:

— Уж ты умеешь уговаривать, — заметила она. — Хемуль нам рассказал, что склоны в Одиноких горах никуда не годятся. Был страшно рад, что мы его так любим.

— Но я хотел… — начал было Муми-тролль.

— Успокойся, — махнула рукой Туу-тикки. — Сдаётся мне, скоро мы все полюбим Хемуля.

Хемуль, возможно, не улавливал тонкостей и не прислушивался к чужому мнению, но нюх у него был лучше, чем у пёсика Хухрика. (К тому же у Хухрика нюх притупился от длительных размышлений.)

Хемуль нашёл на чердаке две старые теннисные ракетки и сделал из них снегоступы. Он спокойно двигался сквозь пургу, опустив нос в землю и стараясь уловить след самой маленькой

в мире малютки.

Он дошёл до своего снежного дома и учуял там искомый запах.

«Бедняжка искала меня, — подумал Хемуль добродушно. — Интересно зачем...» И вдруг Хемуль припомнил, как малютка Саломея пыталась сказать ему что-то, но от смущения потеряла дар речи.

Хемуль ступал по снегу, и в мыслях его возникали одна за другой картины: малютка ждёт на склоне... Малютка бежит за ним по пятам... Малютка обнюхивает горн... И Хемуль с изумлением осознал: «А ведь я был с ней невежлив!» Его не то чтобы начала мучить совесть — это с хемулями происходит крайне редко. Но ему ещё больше захотелось найти пропавшую Саломею.

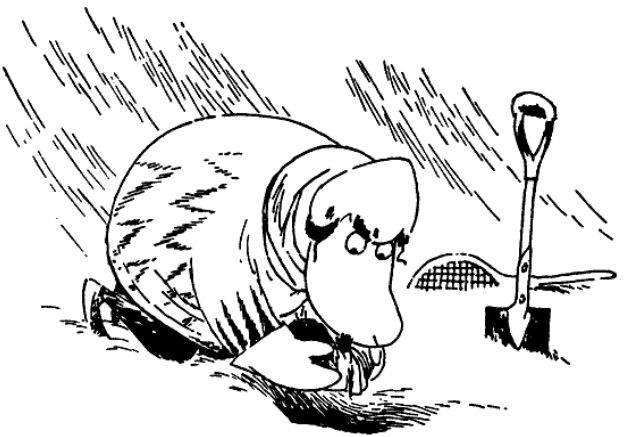
Он опустился на колени, чтобы убедиться, что не потерял след.

Саломея (судя по следам) металась туда-сюда, как это обычно делают маленькие зверьки, обезумев от ужаса. Она успела пройти по мосту, причём в опасной близости от края. Потом след уходил по холму вверх и терялся.

Хемуль секунду подумал. Это ему давалось с трудом.

Потом он начал копать. Он перерыл весь холм.

И наконец в лапах у него оказалось что-то маленькое и тёплое.



— Не бойся, — сказал Хемуль. — Это всего лишь я.

Он сунул малютку за пазуху, между свитером и кофтой из шерсти ламы, встал и снова зашагал

на своих снегоступах.

Он уже почти забыл про Саломею и думал только о стакане горячего сока.

На следующий день — воскресенье — ветер снова стих. День был спокойный, облачный, а снег такой глубокий, что можно было утонуть по самую морду.

Долина, освещённая луной, лежала как игрушечная. Одни сугробы были похожи на огромные круглые булки, другие — на горные хребты с острыми-преострыми вершинами. Все ветви нарядились в большие белые шапки. Деревья походили на гигантские торты со взбитыми сливками, изготовленные выдумщиком-кондитером.

Все гости высыпали на улицу и устроили отчаянную снежную войну. Варенье почти закончилось, но от него лапы у всех окрепли.

Хемуль сидел на крыше сарая и играл на горне, а рядышком сидела счастливая малютка Саломея.

Он сыграл своё любимое произведение «Приходит Хемуль в гости к вам» и закончил его

особенно красивой трелью. Потом повернулся к Муми-троллю и сказал:

— Надеюсь, я не слишком тебя расстрою. Я решил всё-таки отправиться в Одинокие горы. Но следующей зимой я обязательно поучу тебя кататься на лыжах.

— Да ведь я же сказал… — начал Муми-тролль.

— Знаю, знаю, — прервал его Хемуль. — Это было раньше. Но после такого снегопада склоны наверняка изменились. А только представь, какой там свежий воздух!

Муми-тролль взглянул на Туу-тикки.

Туу-тикки кивнула. Это означало: «Оставь его. Это уже дело решённое, как-нибудь всё уладится».

Муми-тролль пошёл в дом и открыл печную дверцу. Он ласково позвал предка условным сигналом, звучавшим примерно так: «Тиу-у-у, тиу-у-у». Предок не отвечал.

«Совсем я его забросил, — подумал Муми-тролль. — Но то, что происходит прямо сейчас, настолько интереснее, чем то, что было тысячу лет назад!»

Он достал из печки большую банку клубничного варенья и написал углём на бумажке, которой банка была накрыта: «Старому другу Хемулю».

В этот день Хухрику пришлось целый час пробираться сквозь снега к грустильной ямке. Каждый раз, когда он сидел на снегу и тосковал, под ним образовывалась ямка, и она становилась всё больше — но теперь на её месте вырос сугроб.

Одинокие горы, укрытые снежным одеялом, безупречно белые, высились впереди. Была безлунная ночь, но звёзды блестели во влажном воздухе удивительно ярко. Где-то далеко прошумела снежная лавина. Хухрик уселся ждать волков.

Ждать пришлось долго.

Он представлял, как они — большие, серые, сильные — бегут сквозь снега, как они останавливаются вдруг, услышав его вой на краю леса.

Они, наверное, думают: «Где-то там, вдалеке, наш друг. Наш сородич, наш брат, с которым хорошо было бы познакомиться…»

Эта мысль растрогала Хухрика, и воображение его осмелело. Сидя в ожидании, он позволил своей мечте разрастись. Вот волки показались из-за дальнего хребта. Они побежали к нему… замахали хвостами… Тут Хухрик вспомнил, что волки не машут хвостами.

Tove

Ну и ладно. Всё равно они подошли, узнали его… и наконец-то решили принять его к себе в стаю…

Одинокий пёсик слишком погрузился в свою опасную мечту. Он поднял морду к звёздам и завыл.

И волки ответили.

Они оказались так близко, что Хухрик испугался. Он попытался зарыться в снег. Волчьи глаза горели со всех сторон, куда ни глянь.

На этот раз волки молчали. Они окружали Хухрика, и кольцо сжималось всё плотнее.

Хухрик замахал хвостом и взвизгнул, но никто ему не ответил. Он снял свою шапочку и подбросил её в воздух, показывая, что он безобидное существо и хочет поиграть.

Но волки даже не взглянули на шапочку. И Хухрик вдруг понял, как он ошибся. Они ему не братья, и с ними не повеселишься.

С ними можно успеть разве что раскаяться в собственной глупости. Хухрик перестал махать хвостом и подумал: «Какая жалость. Я мог бы спокойно спать каждую ночь, вместо того чтобы сидеть здесь в снегу, на морозе и плакать…»

Волки подходили всё ближе.

И тут по лесу разнеслись пронзительные звуки медного горна — от них посыпался с деревьев снег и замигали жёлтые волчьи глаза. Мгновение — и опасность миновала, и Хухрик остался один со своей шапочкой. Хемуль на широких снегоступах спускался с холма.

Тёплая сонная малютка Саломея лежала у него

в рюкзаке и слушала музыку.

— Это ты, пёсик? — сказал Хемуль. — Долго ты меня ждал?

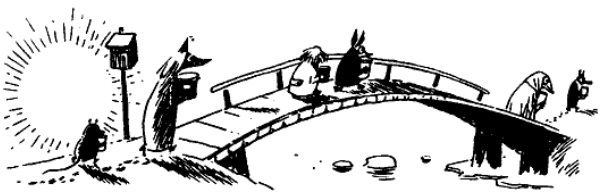
— Нет, — сказал Хухрик.

— Скоро начнётся крепкий наст, — радостно сообщил Хемуль. — А когда дойдём до Одиноких гор, я дам тебе тёплого молока из термоса.

И он побежал вперёд, не оглядываясь.

Хухрик семенил сзади. Это показалось ему самым правильным. А что ему ещё оставалось?

Глава шестая
Первая весна



Вскоре после первой весенней бури в долину пришли перемены и волнения. Гости затосковали по своим домам ещё сильнее, чем прежде. Один за другим они покидали долину — в основном по ночам, когда наст становился крепче и идти по нему было легко. На некоторых были самодельные лыжи, и каждый уносил как минимум одну баночку варенья. Последним пришлось довольствоваться протёртой клюквой.

Наконец самый распоследний гость перешёл мост, и погреб окончательно опустел.

— Вот и не осталось никого, кроме нас, — ска-

зала Туу-тикки. — Ты, да я, да малышка Мю. Бурозубки попрятались ждать следующей зимы.

— А я так и не разглядел того, с серебряным рогом, — заметил Муми-тролль. — И тех маленьких, которые носились надо льдом, с длинными ногами. И чёрного, с огромными глазами, который перелетел через костёр.

— Это зимние существа, — сказала Туу-тикки. — А скоро весна, ты разве не чувствуешь?

Муми-тролль покачал головой.

— Пока нет. Я ещё ничего не чувствую, — сказал он.

Но Туу-тикки вывернула наизнанку свою красную шапочку — изнутри та оказалась голубой.

— Я всегда так делаю, когда чую весну, — сказала она. И она уселась на крышку колодца и запела:

Я, Туу-тикки,
вывернула шапку.
Я, Туу-тикки,
чую тёплый ветер.
Шапка наизнанку — зима на исход,
Закипят шторма, загрохочет лёд,
Повернётся Земля,

Всё проснётся вокруг,
Шерстяные штаны
Уберутся в сундук[7].

Однажды вечером, возвращаясь из купальни домой, Муми-тролль остановился на полпути и навострил уши.

Тёплая туманная ночь была полна движения. Деревья уже давно стряхнули с себя снег, и слышно было, как шумят в темноте их ветви.

Издалека, с юга, налетел сильный порыв ветра. Муми-тролль успел проследить, как ветер прошелестел по лесу и перекинулся на противоположный склон.

Несколько капель сорвалось с деревьев на темнеющий снег, и Муми-тролль поднял морду и принюхался.

Наверное, это был запах земли. Муми-тролль пошёл дальше и почувствовал, что Туу-тикки права. Весна действительно уже близко.

Впервые за долгое время Муми-тролль посмотрел внимательно на спящих маму и папу. Высоко держа фонарь, он задумчиво взглянул и на Снорочку. Чёлка её золотилась от света. Снорочка

---

[7] Примечания: 7
Перевод Марины Бородицкой.

такая милая. Как только проснётся, она сразу побежит в чулан за своей зелёной весенней шляпой. Она всегда так делает.

Муми-тролль поставил фонарь на край печки и оглядел гостиную. В гостиной творилось ужас что. Половину вещей растащили или одолжили, то одно, то другое просто утаскивал с собой какой-нибудь рассеянный гость.

А то, что осталось, имело чудовищный вид. На кухне высилась груда грязной посуды. Огонь в подвальной печи почти погас — заканчивался торф. Погреб был пуст. Окно разбито.

Муми-тролль задумался. Мокрый снег начал сползать с крыши. Слышно было, как он шлёпнулся во двор. В верхней части южного окна вдруг открылся кусок облачного ночного неба.

Муми-тролль пошёл к большой двери и налёг на неё. Ему показалось, что она подалась. Тогда он упёрся в пол и толкнул изо всех сил.

Медленно-медленно входная дверь приоткрылась, сдвинув груду снега.

Муми-тролль не сдавался, пока дверь не распахнулась в ночь.

Tove

В гостиную влетел ветер. Он сдул пыль с тюля на хрустальной люстре и покрутился в золе изразцовой печи. Он поиграл наклеенными на стены картинками — одна отклеилась и улетела.

В гостиной запахло ночью и хвоей, и Муми-тролль подумал: «Это хорошо. Семейство надо иногда проветривать». Он вышел на крыльцо и посмотрел на влажную тьму.

— Теперь у меня есть всё, — сказал он себе. — У меня есть целый год, вместе с зимой. Я первый муми-тролль, который по-настоящему прожил целый год.

И вообще-то здесь рассказ о зиме должен был

бы и закончиться. Эта первая весенняя ночь и ветер, обдувающий гостиную, отлично подошли бы для красивой концовки, и каждый мог сам придумать, что будет дальше. Но всё-таки это нечестно.

Потому что как же тогда узнать, что сказала мама, проснувшись? И остался ли предок жить в печке. И успел ли Снусмумрик вернуться к концу книги. И как перезимовала Мюмла без своей картонной коробки. И где стала жить Туу-тикки, когда купальня снова стала купальней. И ещё много всего.

Лучше продолжить.

Особенно хорош был ледоход — слишком важное событие, чтобы о нём умолчать.

Настал невероятный месяц, с великолепными закатами, капелью с карнизов, ветрами и золотящимися облаками, со жгучим холодом по ночам, настом и ослепительной луной. Муми-тролль ходил по долине, потеряв голову от гордости и ожиданий.

Наступала весна, но совсем не так, как он себе представлял, не для того, чтобы избавить его от чужого, враждебного мира. Она пришла естественным продолжением тех новых впечатлений, которые принадлежали теперь ему,

Муми-троллю.

Он надеялся, что весна будет долгой-предолгой. Каждое утро он почти боялся, что вот сегодня произойдёт знаменательное событие — кто-то из домочадцев проснётся. Он старался двигаться как можно тише и не наткнуться ненароком на что-нибудь в гостиной. А потом выбегал в долину, и вдыхал новые запахи, и смотрел, что ещё напроисходило со вчерашнего дня.

С южной стороны дровяного сарая уже показалась земля. Берёзы обрели нежно-розовый оттенок — но он был виден только на расстоянии. Солнце светило прямо на сугробы, и они делались пористыми и хрупкими, как стекло. А лёд так потемнел, как будто сквозь него уже просвечивало море.

Малышка Мю всё ещё каталась на коньках. Она сменила консервные банки на кухонные ножи — прицепила их к подошвам ботинок остриём вниз.

Муми-тролль видел иногда восьмёрки, выписанные ею на льду, но саму её — очень редко.

Малышка Мю всегда умела развлекаться в одиночку. Она совсем не чувствовала потребности рассказывать кому-то, о чём она думает и как ей нравится весна.

Туу-тикки прибиралась в купальне.

Она протёрла красные и зелёные стёкла, чтобы сделать приятное первой весенней мухе, развесила на солнышке купальные халаты и попыталась заклеить надувного хемуля.

— Теперь купальня снова превратится в купальню, — сказала она. — Скоро станет жарко, и всё зазеленеет, и ты будешь лежать животом на тёплых досках и слушать, как волны плещут о берег…

— Почему ты не говорила этого зимой? — вздохнул Муми-тролль. — Меня бы это утешило. А то я сказал: «Здесь росли яблоки», а ты мне: «А теперь здесь растёт снёг». Ты что, не понимала, что я расстроюсь?

Туу-тикки пожала плечами.

— До всего надо дойти самому, — сказала она. — И пережить в одиночку.

Солнце пригревало и пригревало.

Оно проделывало дырочки и ямки во льду, и море внизу становилось беспокойнее и стремилось на волю.

Где-то за горизонтом бродили большие штормa.

По ночам Муми-тролль слышал, как скрипит и потрескивает спящий дом.

Предок помалкивал. Он закрыл печную дверцу и, должно быть, снова вернулся на тысячу лет назад. Шнурок от вьюшки исчез в щели между печкой и стеной, пропал вместе со всеми своими бусинами и кисточками.

«Понравился предку», — подумал Муми-тролль. Он больше не спал в корзине со стружками, а вернулся в свою кровать. Солнце по утрам всё дольше задерживалось в гостиной и изумлялось, высвечивая паутину и клубки пыли. Самые большие, круглые и нахальные Муми-тролль выносил на крыльцо. А маленькие пусть уж летают как хотят.

К вечеру земля под южным окном прогрелась, и в ней зашевелилась жизнь: коричневые луковицы растрескались, крошечные корешки принялись жадно втягивать талую воду.

И в один ветреный день, как раз перед наступлением сумерек, с моря прикатился мощный величественный грохот.

— Ага. — Туу-тикки опустила чашку на стол. — Вот и началась весенняя канонада.

Муми-тролль выбежал из купальни, чтобы послушать канонаду под тёплым весенним ветром.

— Смотри, море выходит, — сказала у него за спиной Туу-тикки.

Вдалеке белой лентой вскипели волны злые, голодные, они пожирали зимний лёд кусок за куском.

Оттуда по льду побежала чёрная трещина, она выбрасывала побеги то тут, то там, пока не вы-

билась из сил. Море наступало. Трещин было всё больше. Они становились шире.

— Кое-кому лучше поспешить, — заметила Туу-тикки.

Малышка Мю, конечно, видела, что что-то происходит. Но она просто не могла остановиться. Ей обязательно хотелось всё посмотреть, и именно оттуда, где море уже вскрылось. Она докатилась до кромки льда и выполнила гордую восьмёрку перед самым носом у моря.

Потом она повернулась и торопливо покатила обратно по трескающемуся льду.

Сначала на льду видны были только красивые трещины. «Опасно!» — предупреждали они со всех сторон, сколько хватало глаз.

Лёд волновался, поднимался и опадал. Время от времени раздавался торжествующий и разрушительный пушечный выстрел, и холодные волны восторга пробегали по спине малышки Мю.

«Только бы эти идиоты не полезли меня спасать, — подумала она. — Всё испортят». Она заспешила вперёд так, что гнулись ножи, но берег никак не приближался.

Трещины превратились в широкие щели. Из-под них выскочила маленькая злая волна.

И вдруг море покрылось качающимися ле-

дяными островками, которые толкались как сумасшедшие. На одном из них стояла малышка Мю, смотрела, как воды вокруг неё становится всё больше, и думала без особого страха: «Вот это история, красота!»

И тут Муми-тролль полез её спасать. Туу-тикки глянула на это, пошла в купальню и поставила на печку кастрюлю с водой. «Да-да, — подумала она со вздохом, — так всегда бывает во всех приключенческих книжках. Есть спасатели, есть спасённые. И никто никогда не вспомнит про того, кто пытался согреть этих героев, когда приключение закончилось».

Муми-тролль заметил краем глаза маленькую трещину, которая бежала по льду рядышком с ним наперегонки. Он почувствовал, как лёд вздымается над мёртвой зыбью, потом распадается на куски и начинает качаться.

Малышка Мю молча стояла на своей льдине и смотрела на прыгающего по льду Муми-тролля. Он был похож на резиновый мяч с круглыми от возбуждения и напряжения глазами. Когда Муми-тролль добрался до неё, малышка Мю протянула руку и скомандовала:

— Дай-ка я сяду к тебе на голову, чтобы соскочить, если что.

Она схватила Муми-тролля за уши и закричала:

— К берегу, полный вперёд, поворот!

Муми-тролль бросил быстрый взгляд на купальню. Из трубы валил дым, но никто не стоял на пристани и не переживал за него. Он замешкался и почувствовал, как от разочарования слабеют лапы.

— А ну соберись! — крикнула малышка Мю.

И Муми-тролль запрыгал. Он прыгал и прыгал на дрожащих лапах, стиснув зубы. Из-под каждой льдины его обдавала ледяным душем новая волна.

Лёд разламывался на куски, и волны танцевали вальс.

— Держись в ритме! — командовала малышка Мю. — Вот идёт волна… Ты уже чуешь её под собой… Прыжок!

И Муми-тролль подпрыгивал, как раз когда волна выталкивала очередную льдину у него из-под ног.

— Раз-два-три, раз-два-три, — считала малышка Мю в такт. — Раз-два-три — пауза, раз-два-три — прыг!

Лапы у Муми-тролля дрожали, живот заледенел. И вдруг в облачном небе пробила себе дорогу

красная закатная полоса, и волны засверкали так, что глазам стало больно. Спине было тепло, животу холодно, и весь жестокий мир танцевал вальс вместе с Муми-троллем.

Туу-тикки, следившая за спасательной операцией из окна купальни, вдруг поняла, что вот-вот произойдёт неприятное.

«Ай-яй-яй, — подумала она. — Он ведь не знает, что я всё это время на него смотрю!»

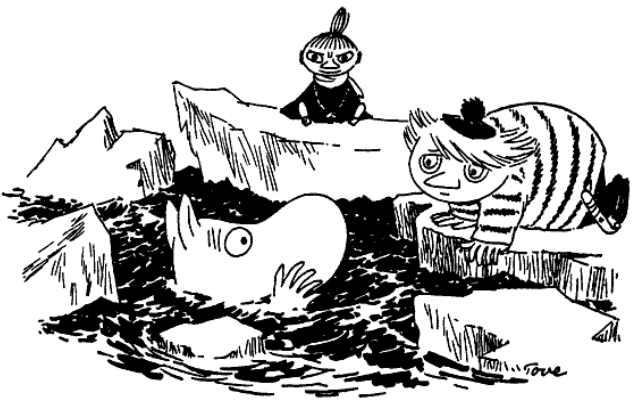
Она выбежала на мостки и крикнула:

— Молодец!

Но было слишком поздно.

Последний одинокий прыжок оказался Муми-троллю не под силу. Он плюхнулся в море по самые уши, и маленькая шустрая льдинка ткнула его в затылок.

Малышка Мю выпустила уши Муми-тролля и одним длинным прыжком перемахнула на берег. Просто удивительно, всегда-то она выкрутится, эта Мю.



— Держись, — Туу-тикки протянула ему лапу поддержки. Она лежала животом на Муми-маминых мостках и смотрела прямо в горестные глаза Муми-тролля.

— Вот так, вот так... — приговаривала она. Муми-тролля подтянули к краю льда, он вскарабкался на камень и сказал:

— Ты даже не вышла посмотреть!

— Я всё видела из окна, — ответила Туу-тикки обеспокоенно. — Шёл бы ты в купальню да погрелся.

— Нет, я пойду домой, — ответил Муми-тролль. Он поднялся на ноги и заковылял к дому.

— Горячего соку! — крикнула Туу-тикки ему вслед. — Обязательно выпей чего-нибудь горячего!

Дорога была мокра от тающего снега, и Муми-тролль чувствовал лапами все корни и хвою. Он дрожал от холода, и лапы тоже всё ещё дрожали.

Он едва повернул голову, когда дорогу ему перебежала белочка.

— Хорошей весны, — проговорила она рассеянно.

— Куда уж лучше, — ответил Муми-тролль и побрёл дальше. И вдруг он остановился как вкопанный и вгляделся в белочку. У неё был большой пушистый хвост, поблёскивающий в лучах заходящего солнца.

— Это тебя зовут Белочкой-с-красивым-хвостиком? — выпалил Муми-тролль.

— Меня, конечно, — ответила белочка.

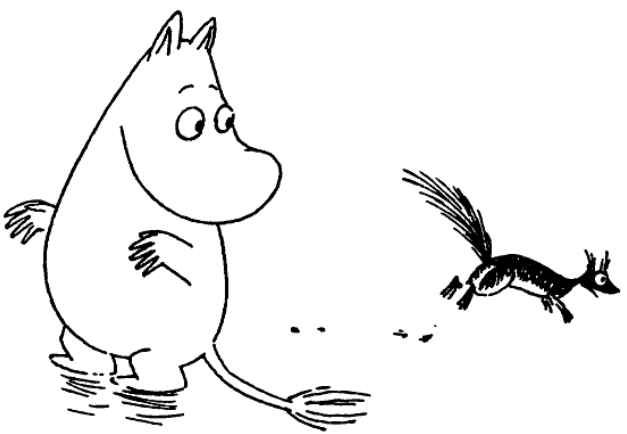
— Так это ты! — воскликнул Муми-тролль. — Это правда ты? Это ты повстречала Ледяную Даму?

— Не помню, — сказала белочка. — Я быстро всё забываю.

— Ну попробуй вспомнить, — попросил Муми-тролль. — Ты что, не помнишь даже тот славный матрасик из клочков шерсти?

— Я помню много матрасиков, — сказала белочка. — И шерстяных, и всяких других. Шерстяные, конечно, лучше всего.

И белочка беспечно ускакала дальше в лес.



«Потом разберёмся, — подумал Муми-тролль. — Сейчас мне слишком холодно. Надо добраться до дома».

И он чихнул, потому что первый раз в жизни по-настоящему простудился.

Огонь в подвальной печи погас, и в гостиной было довольно холодно.

Муми-тролль дрожащими лапами натягивал на себя один матрас за другим, но никак не мог согреться. Лапы ломило, и горло болело. Жизнь вдруг утратила всякую прелесть, морда казалась чужой и слишком большой. Он попробовал свернуть покрепче ледяной хвост и снова чихнул.

И тут проснулась мама.

Она не слышала, как гремели льды и завывала в изразцовой печи вьюга, она не проснулась оттого, что дом её был полон беспокойных гостей и всю зиму звонил будильник.

А теперь она открыла глаза и вполне бодро посмотрела в потолок.

Потом села в кровати и сказала:

— Вот ты и простыл.

— Мама, — сказал Муми-тролль, стуча зубами. — Если бы я только знал точно, что это та самая белка, а не какая-нибудь другая…

Мама тут же пошла на кухню приготовить

горячего соку.

— Там грязная посуда! — жалобно крикнул Муми-тролль.

— Ничего-ничего, — сказала мама. — Всё уладится.

Она вытащила из-за помойного ведра несколько поленьев, достала из тайного шкафчика смородиновый сок, и порошки, и фланелевый шарф.

Когда вода закипела, она принялась делать испытанное лекарство от простуды из сахара, имбиря, засохшего лимона, который обнаружился на своём всегдашнем месте — за грелкой на чайник на второй полке сверху.

Правда, грелки там уже не было, да и самого чайника тоже. Но мама этого не заметила. Она бормотала на всякий случай коротенький заговор, который положено говорить, когда готовишь лекарство от простуды, — этому заговору её научила бабушка. Потом она вернулась в гостиную и сказала:

— Пей, пока горячее.

Муми-тролль выпил, и приятное тепло разлилось по замёрзшему животу.

— Мама, — сказал он, — мне так много надо тебе объяснить…

— Но сначала тебе надо поспать, — велела мама и обернула его шею фланелевым шарфом.

— Тогда только одно, — сонно пробормотал Муми-тролль. — Пообещай не разводить огонь в печке, там живёт предок.

— Конечно не буду, — пообещала мама.

И Муми-тролль вдруг почувствовал, что ему тепло, спокойно и ни за что не нужно отвечать. Он легко вздохнул и зарылся мордой в подушку. И уснул, забыв обо всём.

Мама сидела на крыльце и жгла увеличительным стеклом фотоплёнку. Плёнка вспыхивала и дымилась, и приятный горьковатый запах бил в нос.

Солнце уже так припекало, что от мокрого крыльца шёл пар, но в тени под лестницей ещё лежал лёд.

— Вообще-то надо бы просыпаться пораньше по весне, — заметила мама.

— Верно, — сказала Туу-тикки. — Он ещё спит?

Мама кивнула.

— Ты бы видела, как он прыгал! — гордо сказала малышка Мю. — Это он-то, который ползимы сидел да ныл, да расклеивал по стенам картинки.

— Картинки я видела, — сказала мама. — Наверное, ему было очень одиноко.

— А потом он ещё нашёл себе какого-то старого предка, — продолжала малышка Мю.

— Пусть лучше он сам обо всём расскажет, — попросила мама. — Похоже, тут много всего произошло, пока я спала.

Плёнка кончилась, и вдобавок мама ухитрилась прожечь круглую чёрную дырку в крыльце.

— Следующей весной обязательно проснусь первой, — решила мама. — Тогда можно будет немножко посидеть спокойно и поделать что хочешь.

Когда Муми-тролль наконец проснулся, горло уже не болело.

Он заметил, что мама сняла тюль с хрустальной люстры и повесила занавески. Мебель снова стояла как обычно, вместо разбитого стекла в окно был вставлен кусок картона. И пыль исчезла.

Но всё то, что предок нагромоздил перед печкой, осталось неприкосновенным. Мама даже написала красивую табличку: «Не трогать».

На кухне мама мыла посуду, и от этого звука становилось хорошо и спокойно.

«Рассказать ей про того, кто живёт под тумбочкой?.. — подумал Муми-тролль. — Нет, наверное, не стоит».

Он подумал, не поболеть ли ещё, чтобы о нём позаботились, но потом решил, что интереснее будет самому позаботиться о маме. Так что он пришёл в кухню и сказал:

— Пойдём, я покажу тебе снег.

Мама тут же оставила посуду и вышла на залитую солнцем улицу.

— Сейчас его уже совсем мало осталось, — объяснял Муми-тролль. — А видела бы ты, что

творилось зимой! Весь дом в сугробах! Можно утонуть по самую морду! И ты представляешь, снег падает с неба такими маленькими холодными звёздочками, а там наверху, в черноте, развешиваются синие и зелёные занавески, и они колышутся.

— Наверное, очень красиво, — сказала мама.

— Да, а ещё можно ездить по снегу с горки, — продолжал Муми-тролль. — Это называется «кататься на лыжах». Несёшься прямо как молния, и вокруг тебя облако снега, и надо быть очень осторожным, а то можно разбиться насмерть!

— Вот чудеса, — проговорила мама. — И для этого используют подносы?

— Нет, на подносе лучше ездить по льду, — смутился Муми-тролль.

— Подумать только, — сказала мама, щурясь на солнце. — Как удивителен мир! Всю жизнь думаешь, что серебряный поднос годится только для одного, а потом оказывается, что он гораздо полезнее для чего-то другого. И про варенье говорили: «Ну куда тебе столько?» — а смотри-ка, съелось подчистую!

Муми-тролль покраснел.

— Мю тебе рассказала? — спросил он.

— Да, — кивнула мама. — Честь тебе и хвала, что ты принял гостей как следует, и у меня нет причин за тебя краснеть. И ты знаешь, без всех этих ковров и безделушек в доме стало гораздо просторнее. И с уборкой будет полегче.

Мама взяла горсть снега и слепила снежок. Бросила она его косо, как и все мамы, и он шлёпнулся на землю рядом с ней.

— Не очень-то далеко, — засмеялась мама. — Даже у Хухрика вышло бы лучше.

— Мама, я тебя обожаю, — сказал Муми-тролль.

Они медленно дошли до моста, но никакой почты всё ещё не пришло. Вечернее солнце отбрасывало длинные тени через долину, над всем воцарились покой и удивительная тишина.

Мама присела на перила моста и сказала:

— Ну вот, теперь я готова наконец узнать по-

больше о нашем предке.

На следующее утро проснулась одновременно вся семья. Проснулась именно так, как и надо просыпаться по весне: под весёлое дребезжание шарманки.

Спрятавшись под крышей от капели, Туу-тикки в своей голубой наизнанку шапочке крутила ручку шарманки, и небо было таким же голубым, как шапочка, и солнце отражалось в блестящих шарманочьих боках.

Малышка Мю сидела рядом с ней, и вид у неё был гордый и слегка виноватый: она попыталась собственными руками починить грелку на чайник и натёрла песком серебряный поднос — ни той, ни другому от этого лучше не стало, но

намерения были важнее результата.

Вдалеке на холме брела сонная Мюмла, волоча за собой ковёр из гостиной, в котором проспала всю зиму. Весна в этот день перестала быть поэтичной и сделалась прямо-таки шальной. Она набросала в воздух нелепых облачков, смела последний снег с крыши, нарисовала везде ручейки и вовсю играла в апрель.

— Я проснулась! — выжидающе крикнула Снорочка.

Муми-тролль ласково прижал свой нос к её мордочке и сказал:

— Поздравляю с весной!

И подумал, сможет ли он когда-нибудь рассказать Снорочке про зиму так, чтобы она что-нибудь поняла.

Он увидел, как Снорочка побежала в чулан за своей зелёной весенней шляпой.

Увидел, как папа воодушевлённо схватил лопату и анемометр и вышел на крыльцо.

Туу-тикки всё играла на шарманке, а солнце заливало долину, точно природа просила прощения за то, что была так неласкова со своими обитателями.

«Сегодня вернётся Снусмумрик, — подумал Муми-тролль. Сегодня очень подходящий день».

Он тихонько сидел на крыльце и смотрел, как остальные суетятся на склоне: ещё чуть-чуть сонные и, как обычно, весёлые.

Он встретился взглядом с Туу-тикки. Она довер-

тела вальс до конца, засмеялась и сказала:

— Купальня свободна!

— По-моему, отныне эта купальня должна быть только Туу-тиккиной, — сказала Муми-мама. — И вообще, купальня — это излишество. Плавки вполне можно надевать и на берегу.

— Большое спасибо, — сказала Туу-тикки. — Я подумаю.

Потом она пошла со своей шарманкой вглубь долины, чтобы разбудить остальных, кто ещё не проснулся.

Снорочка нашла первый, только что проклюнувшийся крокус. Он пробился сквозь тёплую землю под южным окном и был ещё даже не зелёный.

— Давай накроем его стаканом, — сказала она. — Чтобы он выдержал холодную ночь.

— Не надо, — сказал Муми-тролль. — Пусть справится сам. Мне кажется, так у него лучше получится.

И он вдруг почувствовал такую радость, что ему захотелось побыть одному. Он пошёл к дровяному сараю.

А когда никто уже не мог его видеть, побежал. Он бежал по тающему снегу, а солнце грело ему спину, бежал просто потому, что был счастлив и ни о чём не думал.

Он добежал до берега, проскочил мостки и пустую распахнутую купальню.

Муми-тролль сел на лесенку купальни, где катило свои волны весеннее море.

Издалека, из долины, доносилось едва-едва слышное пение шарманки.

Муми-тролль закрыл глаза и попытался вспомнить, как лёд сливался с темнеющим горизонтом.

